

КАЛЛАХАН ГРИМ

БРЕМЯ ПРОКАЯТЫХ

ОТПОВЕДЬ ПЕРВАЯ:
ПОКАЯНИЕ

18+

Каллахан Грим

Бремя Проклятых

Отповедь первая: Покаяние

<https://litres.ru/74110169>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где ненависть и отчаяние порождают проклятия, экзорцист церкви Декарата Ирлит Конте не носит посох и не читает молитв по святым книгам. Её оружие — лопата, бесполезный меч и знание того, что у любой скверны есть червоточина. Она не спасает словом и не лечит раны касанием — она разбирает чужую боль на куски, разрывая плоть и выдирая кости, пока за спиной не остаётся очередное упокоенное тело и очередная деревня, которая вместо «спасибо» грозит сожжением за ересь.

Встреча с Послом далёкого государства оборачивается для неё магическим ошейником и обетом, который или приведёт её к убийству бывшей подруги, или погубит её саму. Теперь Ирлит — палач под присягой, охотящийся на человека, который когда-то стал ей семьёй.

Предупреждение: Уважаемые читатели. Книга сосредоточена на подробных описаниях и рассуждениях и выдержана в

довольно неспешном темпе. Любителям динамичного экшена, к сожалению, написанное по душе, вероятно, не придётся.

Содержание

Пролог	5
Стегая мертвую лошадь...	5
Глава 1	34
Ланью на закление.	34
Глава 2	80
Мешки и кошки.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Каллахан Грим

Бремя Проклятых

Отповедь первая:

Покаяние

Пролог

Стегая мертвую лошадь...

Or "To change horses in midstream"

Заполненный, водой мох с мягким хрустом промялся под сапогом. Вековой лес поглощал стывшие во тьме кроны звуки. От того в полной тишине треск шагов разносился гулким эхом. Лопались под тяжестью переспелые ягоды брусники, окропляя низкие папоротники рубиновыми каплями.

Путник дышал тяжело и сбивчиво, выпуская в застывший туманный воздух хриплые выдохи пара. Меж замшелых деревьев загорелось кленовое зарево, и он прибавил ходу, быстрее переставляя ноги. Длинный чёрный плащ волочил-

ся по росистому ягелю, тяжелея от влаги. Несмотря на это, шаг стал легче.

Первый подгнивший рыжий лист упал под ноги, и путник переступил границу леса, выйдя к берегу реки. Чёрная гладь шла рябью, усеянная, точно прогалинами, красными кленовыми листьями. Они лодками медленно плыли, куда-то к изгибу реки, над которым нависала обломанная и разбитая каменная арка.

Алтарь уже совсем близко.

Пилигрим прошёл вдоль берега, неловко перешагивая скользкие, укрытые мокрой листвой, камни. Нужно было найти мост. Река хоть и небольшая, точно просёлочная дорога в ширину, по рассказам местных была глубока. В это было легко поверить, когда она в довесок была удивительным образом спокойна. Длинное, вьющееся змеёй, чёрное зеркало обрамленное бусинами камней точно по задумке знающего свою работу ювелира. Дно с берега не проглядывалось.

Приближаясь к руинам арки, путник замедлился, настороженно всматриваясь в иллюзорный проход. Пока ещё зелёный хмель петлями удавок свисал с резной вершины, украдкой касаясь отцветшей шишкой водной глади. Не шишка, не россыпь кленовых листьев не двигались, застыв в потоке. Странно.

Поставив ноги на лежащий обломок арки, пилигрим наклонился, смахивая рукой мох и землю с потрескавшейся поверхности камня. Пальцы в кожаной перчатке проскребли

по тонким корням между трещин, соскребая их, и ощупали древнюю обтесанную водой реки резьбу. Древние руны ветвились, складываясь в узор волн и морской пены. Рисунок уходил, куда-то под заросли хмеля, и путник оставил его в покое, осторожно огибая арку. За поворотом кленовая роща заметно сгущалась, нависая над чёрной лентой реки красным, почти бордовым, куполом.

От долгого вглядывания на ту сторону берега в глазах начинало рябить. Путник чуть приподнял край чёрного капюшона, когда ветви сомкнулись над головой слишком плотно.

Внезапно, среди темных, красных и рыжих пятен мелькнул яркий и чужеродный... белый. Нечто кипельное совсем не двигалось в кустах, и даже когда путник на пробу покашлял, не шевельнулось. Значит не животное. По крайней мере, не живое. Надо было бы рассмотреть поближе.

Плащ опустился подолом в смоляную воду, цепляя на себя пару красных листьев, когда путник попытался сделать шаг в воду. Сапог в тот же миг ушёл во тьму почти на половину, так и не коснувшись дна.

Брезгливо отряхнув сапог от капель, странник прошёл чуть дальше вдоль берега. Туда, где кроны клёнов были не так густы и сквозь кудрявые прорехи резных узорчатых листьев на камни падали ровные лучи теплого света. Под ними удалось разглядеть белое пятно куда лучше. Через мгновение путнику оно и вовсе стало не интересно, так как за пятном он разглядел небольшой старинный каменный алтарь.

Уже хорошо. Осталось перебраться на тот берег.

Мокрый подол плаща цеплялся за камни, когда пилигрим расхаживал взад вперёд по берегу, всматриваясь в даль неподвижной реки и то и дело озираясь. Нельзя было терять незаметный алтарь из виду.

Он прошёл чуть дальше, ища подобие моста или хотя бы поваленное дерево, но ничего не обнаружил.

Не может такого быть. Ведь местные же, как то добирались до алтаря всё это время... Разве только со временем проход развалился из-за древности. В любом случае путнику предстояло во, чтобы то не стало перебраться на ту сторону.

Ещё раз осмотревшись, он приметил особо сильно склонившееся искривленное кленовое дерево. Его выгнутый дугой ствол своей макушкой как раз доставал до противоположного берега.

Странник перемялся с ноги на ногу. Лишь бы выдержало.

Плащ тяжёлой горой упал с плеч на камни, обнажая чёрную сутану. С пояса был снят длинный полуторный костяной меч и подсумки. Избавившись от ноши, путник засучил рукава и, завернув вещи в плащ, швырнул их на другой берег реки. Те приземлились, с гулким грохотом ударившись о ствол одного из деревьев.

— Ха-а... Ну что ж, Ирлит... — Хриплый женский голос прорезал тишину леса, и путник размял плечи. — Пора вспомнить чему тебя учил отец Адалард...

Откинув полы сутаны, она зацепилась рукой за накрёён-

ный ствол и с усилием подтянулась. Ветка угрожающе хрустнула и ворох кленовых листьев красным облаком осел на воду. Ирлит сглотнула. Она на пробу качнулась, цепляясь рукой за следующую ветку. На плече сутаны зазвенели цепи с плоскими фигурками зверей.

Дерево трясло каждую попытку путника переставлять стремительно слабеющие руки. Хорошо, что река была равномерно узкой. Плохо, что Ирлит никогда не умела подтягиваться и потому носки её сапог то и дело опускались в воду.

Ветви всё больше проседали по мере её неловкого приближения к каменистому берегу и недовольно кряхтели. Если попытается подтянуться ещё хоть раз, то опустится в воду, или что хуже, сломает и без того настрадавшееся дерево. Значит надо прыгать.

Убедившись, что она ничем случайно не зацепилась, Ирлит в последний раз с силой толкнулась вперёд, отпуская руки.

Она приземлилась на ноги, поднимая брызги стоячей меж камней воды и неловко потеряв равновесие, чуть не свалилась в реку. Дерево в тот же миг выпрямилось, подлетев высь, после чего вернулось на своё место, но уже полностью лишённое листьев. В колени отдало резкой болью прошедшей по мышцам от неудачно поставленной ступни. Ирлит поджала губы и поковыляла к брошенным вещам.

Резная костяная рукоять меча легла в ладонь, а лезвие с тихим свистом опустилось в ножны. Звякнула пряжка рем-

ня, когда Ирлит закрепила подсумок на поясе. К обедне мокрый липкий туман давно опустился на землю в поросли мятлика и мха, и потому плащ было решено пока оставить здесь. Ирлит лишь повесила его на обломанную ветку, чтобы случайно не забыть по пути обратно.

Перед тем как двинуться дальше она оглянулась, ещё раз отмечая неестественную ровность реки и её абсолютно не заметное глазу движение.

Невысокий алтарь скрывался меж рыжих остроконечных листьев, словно притаившийся хищник, выгнувшийся причудливой формой ради прыжка. Два наседающих друг на друга каменных гребня изображали надвигающиеся на встречу волны. Тонкие узоры морской пены перекликались с ветвистыми трещинами, сквозь которые прорастали бутоны выюна. Чуть ниже под гребнями из камня вырезаны были большие перекрещённые ладони, а за ними... А за ними отдельной, самой ухоженной и чистой фигурой скрывался каменный всадник. Он был изображён камнетёсом на полном скаку и с мечом в руке. Узоры внутри затерлись не то от времени, не то от большого количества трепетных людских прикосновений. Потому, деталей внутри фигуры Ирлит разглядеть не смогла.

То белое пятно, что она видела с другого берега, оказалось черепом лошади, лежащего на алтаре. Он смотрел на Ирлит пустыми глазницами, из которых дружной вереницей лезли тонкие черви. Видимо из подгнивших фруктов и овощей ле-

жавших совсем рядом.

Со слов старого горбатого и обрюзгшего воина сторожившего деревню на пограничье, их предки с древности поклонялись некоему морскому духу, а тот взамен хранил их от напастей. Дух представлял пред ними в виде могучего всадника и отгонял от них скверну и бестий. Но последние несколько десятков лет дух разгневался на людей за нарушение древних обычаев и наслал на них болезни и горести. По пути сюда Ирлит уже отметила пустые серые поля и не единой живой души в лесу. Даже птицы в живописной кленовой роще хранили гробовой молчание. Осознав свою ошибку, местные начали посылать больше даров к древнему алтарю, отдавая последнее, но дух смиловаться отказался и жертв не принял. Именно следы тех разлагающихся даров, кишащие опарышами, Ирлит и наблюдала сейчас на каменном постаменте.

Ну, хорошо хоть людей на закланье водить не стали... А то знает она эти древние культы деревенской глубинки. Принести на алтарь древнему божеству девственницу для них куда дешевле, нежели переехать в место поблагодарней.

Ирлит уже было хотела двинуться дальше, но что-то в постаменте не давало ей покоя. Как то угнетающе неправильно располагались фигуры. Ладони почти полностью закрывали, казалось бы, главенствующего всадника и, обойдя алтарь по кругу, она убедилась, что так было задумано изначально.

В этом месте все выглядело неправильно. И слишком ровная река и странное святилище... Хотя, по словам старого

воина в роще находилась только первая его часть. Вторая же была куда старше и испокон веков возвышалась над морем в маленьком заливе за лесом. Значит, сейчас Ирлит отправится туда. Но сначала...

Она вернулась к берегу и, припав на одно колено, зачерпнула рукой немного воды. На запах самая обыкновенная. А на вкус... Она поднесла воду к губам: пресная. Около моря. Значит не защита от приливов. Что же это за река такая? Ирлит задумчиво сверлила взглядом черную гладь, пока тот не зацепился за что то, чуть ниже уровня стоячей воды. Камень. Плоский высокий камень. И ещё один, и ещё.

Ирлит со звонким шлепком ударилась лицом о мокрую руку. Всё это время в реке был каменный помост, скрытый в воде лишь на дюйм. Ирлит могла поклясться что с того берега невооружённым глазом заметить его было не возможно...

— О-ох...

Столько мороки, а надо было лишь получше присмотреться. Время идёт, но что-то никогда не меняется.

Ещё немного посидев над показателем её невнимательности, Ирлит со вздохом встала, звонко хрустнув коленями. Бедное-бедное осыпавшееся дерево явно осуждающе шелестело листьями ей в след, когда она углублялась в рощу.

Клёны заметно редели, а меж земли и прелых листьев начал проглядывать песок нанесённый морским бризом. Вода неприятно хлопала в сапогах и, поморщившись, Ирлит полной грудью вдохнула морской воздух, всматриваясь в от-

крывшийся перед ней вид. Залив действительно был, но в шагах тридцати под рощей.

Несколько камней упали с обрыва в рыхлый серый песок. Скалы окружали маленький пятак пляжа ровным полукругом, пока тёмные волны ласкали бесцветный берег. Пейзаж сменился вместе с погодой.

После пестрящей красками рощи по высохшим от поднявшегося ветра глазам сильно резала серость побережья и нависшего над ним облачного неба.

Благо в этот раз безопасный спуск вниз нашёлся сразу в виде выточенной в утёсе лестницы. Ирлит облизнула обветренные губы и начала спуск, думая о том, как потом будет подниматься. Шаг за шагом она опустила ноги в бархатный песок с редкими вкраплениями голубых перламутровых ракушек.

Ирлит тут же пожалела, что оставила плащ. Уши начали неприятно болеть от песни ветра и моря, сливающейся в один гул. Но возвращаться обратно по той лестнице больше одного раза она не намерена. Лучше разобраться со всеми делами сразу.

Главной и самой примечательной частью живописного берега были плохо различимые руины. Со стороны они были похожи на ту арку, на которую Ирлит наткнулась в начале пути. Только эти были почти целые и ровным рядом одна за другой выстроены в воде, уменьшаясь от берега к морю. Первая, утопающая на мелководье была выше Ирлит в четы-

ре раза, следующая всего в три и последняя, третья, была почти полностью погружена в воду. Напоминали руины странные трёхфазные ворота или воронку, сужающуюся тем сильнее, чем больше она поглощалась волнами. Возможно древний обряд инициации или иное испытание для страждущих? За счёт, возведённых на пьедестал божеств, местных духов, раньше часто проверяли добрую волю, и надёжность кого бы то ни было... Надо получше рассмотреть резьбу на арках пока погода совсем не испортилась.

Сапоги и без того безнадёжно намокли так что терять ей было нечего и она шагнула в ледяную солёную воду залива. В тот же миг тело пробил яркий озноб встряхнувший табун мурашек под сутаной. Волны сбивали с ног не желая идти на попятную, но Ирлит продолжала упрямо двигаться к первой арке то и дело, крупно содрогаясь от холода.

На поверхности арки первыми в глаза бросились отнюдь не узоры, а усеивающие камень моллюски. Они сидели крупной кучкой темно-коричневых круглых ракушек, качаясь на натянутой ткани моря. Ирлит недолго думая протянула руку, содрала их с камня и запихнула в один из многочисленных внутренних карманов под подолом сутаны. Лишним не будет. Потом на костре пожарит. С кислицей.

Под моллюсками, безжалостно содранными точно гнойный нарост с кожи, вились обрывистые, ничего не значащие узоры. Понять, что они изображали, Ирлит не смогла, хотя в семантике рун и символов за годы работы разбиралась хо-

рошо. Те линии, ползущие змеиными хвостами по арке, казались странно обрубленными хоть и были достаточно чёткими и глубокими. Больше всего сомнений вызывала странная часть рисунка на вершине арки. Словно начало чего то большего...

Ирлит резко обернулась на следующую арку. Гравировка на ней была видна издалека и Ирлит смогла понять по ней, что тоже была не закончена и прерывиста. Голову посетила догадка.

Идти по течению волн оказалось куда проще. Ирлит странно покачиваясь, начала шататься по берегу всматриваясь в рисунки на причудливых арках. Она ходила взад-вперёд, ворочая головой, словно пеликан ищущий добычу и пыталась встать или нагнуться так чтобы три тонкие ровные арки встали в одну.

Когда она попятилась назад, вымокшие, нечувствительные от холода ноги наткнулись на нечто твёрдое, заставив её накрениться. Плита. Круглая плита выполнения из того же камня что и арки. Ирлит поспешила мыском сапога смести с нее лишний песок и присела, чтобы рассмотреть ее получше. Похожа плита была на большую печать с бороздами и ободом по краям. в середине был изображен все тот же всадник с искаженным какой то жуткой яростью лицом. Ирлит снова показалось, что изображение стерлось, и она обошла печать, встав лицом к морю, чтобы убрать оставшийся с той стороны песок. Теперь изображение хотя бы не было перевернуто.

Она припала на одно колено, пробуя смахнуть рукой пыль с самой середины изображения, но под пылью ничего не оказалось. Как ни странно на изображении в святилище у всадника были затерты ноги, и хотя бы тут Ирлит надеялась их обнаружить. Но нет, здесь они тоже отсутствовали, что не удивительно, ведь находились в самом центре печати. Поначалу Ирлит показалось это достаточно очевидным, но когда она уже хотела, было встать, взгляд напоролся на один из узоров. Это были хорошо прочерченные выпуклые лошадиные ребра. Их не могло бы быть видно, если бы рисунок просто затерся, да и ноги всадника закрывали бы их, если бы... были.

Ирлит помассировала виски. Их не было. Ног всадника не было ни в святилище, ни на печати. Их, судя по искусно выточенному в камне человеческому позвоночнику, врастающему в лошадиный круп, и не должно было быть. Ирлит окончательно осела на песок. С древнего барельефа на нее оскаливались уродливое вытянутое мужское лицо и точно настолько же уродливая лошадиная морда. То, что она сначала приняла за обод, оказалось рельефом змеи обвивающей химеру и кусающей себя за хвост. Символ не свойственный ни местности, ни изображению божеств в целом. Зацикленность. Бесконечность. На памяти Ирлит этим узором украшали разве что только могилы, как пожелание вечной загробной жизни... В голову Ирлит закралась догадка. Она вскинула глаза на арки и те разом сошлись, продолжая друг за другом причудливые узоры. Резьба волн вилась,

складываясь переливами в ладони с длинными переплетенными пальцами за которыми наблюдало чуткое широко раскрытое око. Устойчивые мотивы для обоих святилищ, но при этом слабо относящиеся к изображению самого духа. Но при этом всегда больше, всегда выше, всегда... сильнее. Словно святилища показывали силу не самого всадника а...

... Как Ирлит сразу не догадалась? Голод и болезни, врата, уходящие в морскую пучину, странная река ограждающая святилище от всех непосвящённых, всадник, сросшийся с собственным конём – все древние кусочки мозаики сложились в одну точно те арки. Ирлит слышала и Ирлит знала, но рассказ старого рыцаря ввёл её в заблуждение.

Теперь всё ясно.... И как ни странно ей теперь нужны морские водоросли.

Их Ирлит нашла на куске скалы ограждающей залив, словно загон, удерживающий дикого зверя. Длинные склизкие и зелёные, они прибились к отвесному берегу и выглядели так, будто волны выбросили к суше отрубленную голову морского чудовища. Водоросли кишели мошкаррой, и Ирлит пришлось отряхнуть их, поднимая в воздух серый рой вместе с каплями воды.

Ирлит недолго думая сунула их за пояс и нехотя повернулась к лестнице, ведущей в первую часть святилища.

Ей предстоит действительно много тяжёлой работы. Во всех смыслах. Но если все получится, как она задумывала, спускаться ей больше не придётся.

Уже наверху, у рощи, Ирлит встряхнула онемевшие ноги. Надо было вернуться к реке.

Назад идти было быстрее и подойдя к кромке водоёма Ирлит схватила с дерева свой плащ накидывая его поверх сутаны и ёжась от холода.

Надо было выбрать место для канавы, и она выбрала его прямо там, у алтаря, где под водой скрывался незаметный мост. Так будет проще совершить побег, если у неё ни черта не выйдет.

Ирлит взялась за один из больших камней и передвинула его в бок. Так она разобрала небольшую полоску камней лежащих под прямым углом от линии берега. Когда каменный берег закончился, Ирлит сунула руку за пояс, отстёгивая складную лопатку и, взмахом руки разложив её, на пробу ковырнула землю штыком. Неглубоко, но достаточно чтобы вырыть небольшую ямку ниже уровня стоячей воды. Возиться ей придётся ещё около часа.

Вскрыв верхний слой земли на небольшом пятаке у алтаря, Ирлит устало облокотилась на дерево, вытирая грязной рукой пот со лба и окрашивая светло русые пряди волос в чёрный цвет. От реки выкопанную траншею отделяло лишь пару камней, и Ирлит понимала, что сможет если и не откинуть их быстро, то оттолкнуть лопатой в воду уж точно. Тени в роще тем временем стремительно сгущались, темнея и заливая золотые листья, в какой-то липкий и неприятный болотный оттенок. Надо поторопиться до темноты, чтобы нена-

роком не сломать себе ноги, когда она... будет бежать.

Отряхивая лопату от налипших листьев и комков земли, она повесила её обратно на ремень и нехотя поплелась обратно к обрыву. Пока шла, Ирлит нащупывала в кармане огниво. Наконец наткнувшись на него пальцами и подцепив из глубин складок сутаны короткую цепочку, она поудобнее перехватила его в руке выходя из под посмурневших клёнов на свет.

Собравшись с духом Ирлит выдернула пучок водорослей из под стóлы и кинула его под ноги высекая огнём несколько искр. Зеленые щупальца вспыхивать не стали и просто затлели, захрустев и задымившись. Взяв их в руки и пару раз хорошенько раздув танцующую на зелёных жилах канитель огня Ирлит с силой швырнула его вниз. Тлеющий пучок медленно опустился ровно рядом с каменной печатью.

Пару долгих вдохов, пока ветер раздувал по берегу едкий дым, ничего не происходило. Ирлит знала, что подобные вещи никогда не происходят в тот же миг и была готова подождать, опускаясь на траву у края обрыва, но тут её капюшон снес сильный порыв ветра. Словно зная, что сейчас будет происходить, серое небо вскипело и забурлило, вскидывая чёрные волны моря и выплевывая их на берег с невероятной силой.

В какой-то момент дальняя арка и вовсе скрылась под бурлящими водами. За ней чуть погода была поглощена вторая и когда громадная волна накрыла самую высокую арку, всё

разом стихло.

Ирлит проморгалась, поначалу подумав, будто это её сердце на секунду замерло, заглушив все звуки вокруг, но приглядевшись, поняла, что море тоже успокоилось. Нет. Не так. Море замерло, точно та река у алтаря, превратившись в неподвижную непроглядную гладь, точно на грубом витраже. Некрасиво и неестественно. Ирлит помотала головой, забрасывая морок, но в тот же момент до ушей донесся оглушительный плеск. Он исходил, казалось бы, от самой дальней арки, снова показавшейся над водой. Ирлит, к сожалению, не могла разглядеть точно, хотя и видела, как из поволоки моря что-то резко высунулось, зацепившись за гладкий камень. За ним последовал ещё один плеск, и снова нечто тонкое выползло на свет, карабкаясь по арке. Ирлит осознала, что это были две тонкие костлявые руки, только когда они с силой потянули на поверхность своего владельца. Плеск сменился оглушительным ревом, и неподвижная гладь треснула, разлетаясь каплями на сотни белых осколков. Среди солёных брызг появился серый тощий мужской торс увенчанный головой, на которой издалека можно было увидеть разве что широко распахнутый в крике рот. Ирлит поднялась на ноги, приготовясь сорваться с места в любой момент. Но сначала дух непременно должен её заметить.

Для этого Ирлит пришлось встать во весь рост. Тварь тем временем, можно сказать, сделала тоже самое. Волны отмерли, озверев куда сильнее и с большей прытью набрасываясь

на берег. “Божество” цепляясь непомерно длинными руками за следующую арку, подтягивало себя навстречу суше, словно борясь с чьим то настойчивым сопротивлением. Точно само море удерживало его на дне. Гневный рев перебило заливающее лошадиное ржание, и из цепкой хватки пучины показалась изуродованный кривой лошадиный череп. Животное разевало пасть, как и его хозяин, скаля огромные острые зубы. Последняя высокая арка была пройдена и черные копыта яростно впились в сухой песок. Конь и вросший в него всадник выпрямились, словно потягиваясь после долгой спячки. Сквозь шум воды стало слышно, как захрустели гротескно выгибающиеся конечности.

Ирлит дышала через раз, наблюдая как мышцы на лошади перекачиваются, бугрятся и вздуваясь. Рассмотреть это можно было достаточно четко, так как на существе не было кожи. Ни на коне, ни на всаднике. Серая блестящая от воды масса из жил и сосудов двигалась так ломано и нарочито лениво, что Ирлит слегка подпрыгнула на месте когда обе головы и человеческая и лошадиная обратились и божество, утопая ногами в песке, рвануло к ней. Оно обогнуло каменную печать, растапывая копытами, дымящиеся водоросли и конь вновь глухо заржав, встал на дыбы. У него не было гривы, но выглядело оно от этого не менее зловеще. Всадник, не обремененный необходимостью держаться за коня, сунул обе руки себе за спину. Послышался оглушительный треск и когда конь опустил копытами на землю, он вытащил из

своего выступающего драконьим гребнем позвоночника стар-
рый ржавый клинок.

– Ой-ой... – непреднамеренно вырвалось у Ирлит, и она
начала отступать назад. Этого она, к сожалению не преду-
смотрела. Мало того следующее разочарование настигло ее
почти через мгновение когда дух приблизился к скале гремя
копытами и поднимая облако песка. Говоря честно, Ирлит
рассчитывала, что узкая отвесная лестница даст ей немно-
го необходимой форы, но у древнего божества было на этот
счет другое мнение.

Конь остановился перед скалой лишь на терцию после че-
го странным образом припал к земле и все его конечности
разом согнулись под углом свойственным разве что насеко-
мому или членистоногому выгнувшись в бок. Так, по паучьи
оно вскочило на скалу и, быстро перебирая тонкими копы-
тами, поползло вверх. Прямо к Ирлит. Ей меланхолично по-
думалось, что пора, пожалуй, бежать.

Это она и сделала, опрометью бросившись в рощу и стара-
ясь не оборачиваться на тихий стук камней вылетающих из
под ног твари со среза отвесного обрыва. От волнения скру-
тило живот, и Ирлит с досадой вспомнила, что забыла по-
завтракать. Вроде в седельных сумках еще оставалось что то
из провизии. Мысль об этом дала прыти, и она ускорилась,
перед этим с силой задев встречный клен плечом. Вовремя,
так как дух почти настиг ее, огибая деревья. На бегу Ирлит
вынула меч из ножен перехватив его за рикассо.

Клинки со звоном скрестились. Всадник наклонился к Ирлит вплотную настолько, что она смогла разглядеть два тонких желвака скрепляющих челюсть с усохшими, словно у покойника зубами. Белые глаза стухшей рыбы не имели век и потому были безумно выпучены, когда дух снова занес длинную жилистую руку с парой лишних суставов над ее головой. Ирлит остановилась, припадая к земле, и меч просвистел над макушкой, вписываясь в соседнее дерево, застревая там, на короткое мгновение. Она воспользовалась моментом, дернув рикассо собственного меча, и вонзая его в сухой круп коня. Лезвие вошло в безжизненную плоть с омерзительным треском и конь, щелкнув громадной китовой пастью, понесся вперед на десяток шагов. Клинок остался в нем. Меч всадника проломил ствол и тот, рассыпая щепу, медленно завалился на соседний клен. Копыта подняли в воздух листву, проезжаясь по земле в попытке духа остановиться и повернуть назад. Всадник издал нечто похожее на рык, но Ирлит уже бежала к ручью, спотыкаясь каждые два шага от внезапно прилившей к голове крови. Наверное, стоит все же обратиться к врачу в следующий раз, когда она будет в городе.

Ирлит запрыгнула в разрытый ей пятак и поскользнулась, падая лбом на камень у воды. Внутри черепа многозначительно зазвенело и все перед глазами окрасилось в ослепительно белый. Сквозь звон в ушах она плохо расслышала набат лошадиных ног прямо над собственной обмякшей тушей. Послышалось ржание и только тогда, почувствовав, как

раскалился над ней воздух, Ирлит перекатилась на спину, вслепую уворачиваясь от летевших в нее копыт. В глазах на секунду прояснилось, и она выхватила с подсумка лопату, подставляя ее под удар и уводя его в сторону. Сквозь пелену сверкнул ржавый клинок, и Ирлит схватила с цепи на плече одну из серебряных плоских фигурок. Воздух прорезала серая молния, а меч встретился с голым речным камнем, на котором остался багровый кровоподтек. В прореху между булыжников юркнула серая мышь, ныряя в воду реки. Дух отшатнулся от берега как от огня. Конь взбрыкнулся, разочарованно кренясь в сторону, а всадник, оскалив рот, произнес нечто на неведомом языке хрипящим на манер туманного рога голосом. Он, разочарованный неудачной охотой, видно собирался уходить, так как корпус лошади повернулся к роще. Ну, уж нет.

Вновь воздух разделил на две части разряд, и Ирлит по пояс в воде ухватилась руками за утопленный помост. Она собрала последние оставшиеся силы и толкнула ногами один из прибрежных камней. Он нехотя откатился, а пустующее место в тот же миг начала заполнять вода. Смолянисто черный поток хлынул и во взрытую землю. Хтонический конь, было, метнулся к лесу, но задние копыта словно увязли в грязи, которая с предвкушением заглатывая груды пепельных бугрящихся жил. Лошадь завизжала, беспомощно раззявив пасть, а всадник громче захрипел, что то непонятное Ирлит, чередуя шипящие слова с отчаянным ревом. Обычная прес-

ная вода реки заглатывала “божество” безжалостней любого болота, утягивая его все глубже и глубже. В какой-то момент Ирлит показалось, что и сам Всадник тает, безжизненной массой растворяясь в черной глади. Наблюдала за этим она с усталым и от того нескрываемым удовольствием до тех пор, пока пальцы непомерно длинной жилистой руки окончательно не исчезли в жадной темной бездне запруды.

Ирлит вздохнула, откидываясь спиной на воду. Сутана намокла и старательно тянула на дно. Наверное, если сейчас она вылезет из воды, то окоченеет от холода, когда как, оставаясь в черной непроглядной воде реки, она его почти не чувствует. Где то на берегу звякнул её костяной меч, который она оставила в крупе коня. Видимо запруда, полностью впитав в себя «божество», наткнулась на нечто лишнее, словно скорлупка в омлете, и выплюнула меч обратно. Ирлит рассудила что вернется за ним и за складной лопатой потом, уже после того как доберётся до седельных сумок и переоденется в сухие вещи.

— Эмирун как раз сейчас должен пасть где то по берегу.
— вслух пробормотала она глядя в смеркающееся мутное небо — Голодный наверное...

Учитывая, что дух уничтожил всю окрестную живность, вероятно, прежде всего, придется его покормить, а потом уже возвращаться к алтарю за доказательствами выполненной работы и собственными пожитками.

Холод вместе с ледяной водой прокрался под плотную

ткань сутаны и потащил Ирлит на дно неподвижной реки. Она глубоко вдохнула, и тело в тот же миг всплыло обратно на поверхность. В целом, она заслужила небольшой отдых, и саднящий гулкой пульсирующей болью лоб только сильнее её в этом уверил. Густые кленовые кроны, нависающие над её головой, укрыли её желанной полутьмой, и Ирлит ненадолго прикрыла глаза, гребя ногами в сторону, где предположительно находился Эмирун. Плыть лёжа на спине было удобно и вполне медитативно. Если не считать липнувших к лицу мягких и склизких на ощупь листьев, плывущих попутчиками вместе с ней. Река, не имевшая течения, не сопротивлялась её движениям, послушно расходясь под ногами. Только плащ, словно плавники ската надулся в воде, чуть тормозя её путь.

Ирлит думала о многом в тот момент, но в основном о том, как было хорошо, что у неё непромокаемые подсумки. Самая большая трата за её недолгую жизнь и самое полезное приобретение по совместительству. Ещё она вспомнила о моллюсках в одном из карманов и позволила себе измотанно, но довольно поднять уголок губ. «Морской кошмар: отнять один... Морской каштан: прибавить десять»

Она предвкушающе хихикнув, сложила руки на животе, пока над головой продолжали проплывать ветви и понемногу расходящиеся облака. К ночи небо должно очиститься. С одной из веток сорвался лист и медленно опустился Ирлит на израненный лоб. Интересно, её череп цел? Ну да ладно,

поспит, пройдёт.

Сумрачный тоннель из ветвей кончился, и над головой её одиноко нависло небо, на котором поочерёдно начали появляться чёрные мушки. Видимо птицы решили вернуться к свободному пока берегу.

Ирлит проплыла край кленовой рощи, и по оба берега начался зелёный лес из странных узловатых дубов и изумрудных задумчивых тисов. В нос ударил запах мха перебив аромат сырой речной воды.

Ирлит думала уже выходить на берег и идти искать Эмируна пешком как из-за деревьев послышались крики и лязг металла.

Эхом по земле пробежались звонкие болезненные стоны. Необитаемость леса заставила Ирлит совсем позабыть о его близости с границей между государствами. Железо встретилось с железом, высекая заметные искры, и из за пораженных болезнью кустов со свистом вырвалась стрела. Ирлит-перекрутилась обратно на живот и как можно быстрее нырнула под воду. Выныривая чуть дальше, она с усилием погребла, вперед стараясь не поднимать высоко головы.

Уплыв на приличное расстояние она крупно дрожа от холода вылезла на каменистый берег и надеясь что не слишком громко стучит зубами пошаркала к тому месту где оставила Эмируна. Запах металла и пряной сладковатой гнили настиг ее, стоило ей отойти от реки. Испугавшись Ирлит шустро залезла в кусты. Она по своему опыту знала, что лучше

изгнать десять демонов, нежели наткнуться на одну политическую стычку. Из кустов напротив послышалось шипящее звериное рычание.... Накаркала.

Ирлит раздвинула покрытые серым лишайником ветви и чуть высунула голову. Из за деревьев скрепя когтями и волоча за собой кровавый мясной ошметок неизвестного происхождения на упругих полусогнутых лапах вышла тварь, отдаленно напоминающая заросшую смоляной шерстью собаку... Размером с небольшую лошадь. Тварь вытащила шмоток на середину поляны, оставляя за собой петляющую красную колею, и, облизнув свою молочно-белую костяную морду длинным черным языком, принялась со вкусом жевать.

Ирлит поторопилась выскочить из кустов и наброситься на тварь.

— Эмирун! Глупая ты псина! — она ухватила за оленьи рога, оттаскивая тварь от того, что вблизи оказалось длинноволосой белокурой изрядно пожеванной головой — А ну плюнь! Плюнь, кому сказала! Ведь опять волосы в кишках запутаются...

Эмирун раздраженно поднял на нее перепачканный в крови волчий череп, заменяющий ему голову, и издал обиженное «У-у-у». Ирлит попыталась увести его от останков, но тот упорно упирался лапами в землю, не желая расставаться с добычей. Ирлит отчаянно пыхтя, не перестывала напирать. А она еще переживала о его голоде.... Как же — как же, этот, и не найдет чем поживится.

Ее попытки быстро прекратились, когда звуки боя начали приближаться. Судя по заостренным ушам на белокурой голове, у нее будут большие проблемы, если их настигнут. Поэтому Ирлит, сжав зубы, с силой пнула останки, в ближайшие кусты, мысленно прося прощение. Вскочив в седло и с силой ударяя по бокам Эмируна каблуками сапог, она унеслась в глубь темного леса, оставляя за собой лишь багровые следы лап на блекло-зеленом мхе.

...

Бледный, тонкий, словно серебрянная нить, луч луны упал на ветвистые завитки канители. Свет заструился по канелюрам к подножию колонны, стекая на изумрудную траву у ступеней ротонды. Пение сверчков разбавил нежный залиvistый смех раскатами прошедший по лепесткам анемонов, от чего те смущенно закрылись. С бутонов роз вспорхнули бабочки, рассеиваясь в танце с мягким сиянием, исходявшим от земли. В бокале из тонкого голубого стекла искрилось студеное белое вино. Его горьковато сладкий еле уловимый аромат разбавлял свежесть и глухую пустоту летней ночи.

— Ты не перестаешь смешить меня рассказами о тех занятных уродцах. Я припоминаю что на безвкусных просторах Тагара есть целая актерская труппа собранная из всех покалеченных жизнью, природой и иногда самими людьми. Не знаешь случаем, может это они успели основать соб-

ственное государство? — Не дождавшись ответа прекрасный словно знойный солнечный вечер юноша откинул за спину волнистый локон золотых волос. Он обернулся, устремив взгляд во мглу ротонды. — Ну же, Урш, присоединяйся ко мне. Не стоять же тебе там всю ночь.

Его собеседник скрывался в тенях колоннады, разделенный полосками света на обрывчатые, растворяющиеся во тьме, части.

— Мой хозяин не одобряет распитие во время работы, господин. — хриплый голос отразился от мраморных полов разносясь изменчивым эхом отзывающимся на разные лады. Понять, кому именно он принадлежал было невозможно, как и сказать мужским он был или женским, юным или пожилым. Образ собеседника таял, стоило только подумать будто ты наконец уловил его за исчезающий шлейф.

Юноша усмехнулся, крутя в руках узорную ножку бокала.

— Сейчас твой хозяин я, Урш. Так что не пререкайся и делай, что я говорю.

Собеседник не сдвинулся с места, и казалось, силуэт его растекся в сумраке сильнее прежнего, угрожающе вытягиваясь. Юноша заметил это в отражении на винной глади и пренебрежительно фыркнул:

— Святая Ирина... И люди еще, почему то считают эльфов излишне чувствительными... Успокойся и оставайся на месте если тебе так хочется. — он сделал изящный глоток смочив розовые губы после чего понизив тон прошептал —

К делу Урш. Ты начинаешь меня утомлять.

Собеседник качнулся, наклоняясь к юноше, и все так же бесцветно заговорил.

— Мы отправили посольство Лакоры обратно на границу, сославшись на опасности в столице.

Юноша блаженно улыбнулся, любуясь танцем светлячков в лилиевых кустах:

— Ох. Я почувствовал, как чище стал воздух, без смрада предателей и этого их.... — он ничуть не смутившись своей забывчивости легко пробормотал — Как там звали того выродка?

— Не думаю что теперь это имеет хоть какое то значение. — собеседник покачал головой, переходя к сути — Глава посольства успел кое что разнюхать. Что конкретно я не узнал, но было понятно что эльфы княжества А'наир не подозревают о настоящих мотивах своего нового начальника и искренне верят что приехали с послом ради налаживания мира.

Юноша сделал большой глоток, осушив бокал до дна, и отставил его в сторону на ступени. Вокруг стеклянного сосуда вмиг закружился рой бабочек.

— Это звучит даже забавно. Хотя должен признать, шпион-посол это до вульгарного избито.... И потому подходит им как нельзя лучше. — он невесомо и еле заметно облизнул губы, слегка откидываясь назад. — И что же мы будем с ними делать, мой добрый союзник?

Одна из пестрых бабочек с яркими глазными пятнами

ненароком упала в бокал и там, на дне затрепетала точно израненное животное. Юноша поднес к ней руку позволяя забраться к себе на палец. Бабочка осталась сидеть на нем, благодарно раскрывая крылья.

Собеседник ответил быстро и заученно:

— От командующих были предложения перевезти их через границы Тагара и там убить посла. А эльфов княжества образумить или принудить к...

Юноша не дал ему договорить и, замороженно разглядывая узоры полупрозрачных крыльев, нежно пропел;

— Прекрасно. Тогда пусть убивают всех.

Силуэт внутри ротонды заметно напрягся:

— Господин, но они же не осведомле...

— Пусть. Убивают. Всех. — юноша с благоговением опустил бабочку на сияющие в лунном свете желтые лепестки роз, и обернулся на собеседника, заслышав звуки нежной поступи со стороны садовой тропы — Ты можешь быть свободен, Урш.

Силуэт послушно отступил назад в легком поклоне и скрылся за одной из колонн.

Ветви лавра раздвинулись, и в сад перед ротондой вошла девушка в струящемся платье, расшитом переплетением лучистых нарциссов, склоняющих золотые головы при каждом ее шаге. Волосы ее, грязно желтого омраченного русыми прядями цвета, лежали на вздымающейся груди, перекрывая собой драгоценные украшения.

Юноша нарочито ласково улыбнулся, приглашающим жестом махнув на место рядом с собой.

— Вы уже здесь, дорогая гостья. Вам нужно о невероятно многом мне поведать.

В отставленный за спину бокал тем временем снова попала бабочка, на этот раз утопая в липкой росе натекашей в голубое резное стекло с бутонов ветрениц.

Глава 1

Ланью на закление.

*Вот гордым львом,
Сверкая взорами, вокруг четы
Он выступает; вот, припав к земле,
Под видом тигра, что застал в лесу
Двух нежных ланей и решил игру
Затеять сними, он одним прыжком
Переменяет место и опять
Крадется, повторяя много раз
Уловку эту, выжидая миг
Удобный, чтоб добычу закогтить.
Мильтон Джон «Потерянный рай» Книга 4*

— Вы изгнали его!? — Пожилое, испещренное морщинами лицо исказила уродливая гримаса гнева. Глаза его, неуютно по-старчески мутные, испещренные рыжей шелковой сетью лопнувших сосудов, широко распахнулись в ужасе и неверии.

Ирлит поджала губы.

— Я не могу полностью изгнать такого древнего демона. Это временная мера, и скоро он появится снова. — Точнее, она была в этом убеждена.

Челюсть старика отвисла, словно у чревовещательной куклы. Он сам был на нее неимоверно похож, дергаясь в резких конвульсивных движениях при каждом произнесенном слове и излишне наигранно и преувеличенно взмахивая руками. От него пахло мокрой землей, заржавевшим железом и слабым, уходящим в прошлое и неимоверно далеким, смрадом промасленной, вываренной в воске буйволово́й кожи.

Когда Ирлит нашла старика в старой деревне, протянув ему выбеленный дождями лошадиный череп, он стоял в тени сарайной крыши, опираясь на мотыгу. Профиль его был прямым, несмотря на годы. Возможно, когда-то он напоминал высматривающего добычу хорька. Сейчас же старость вытянула мелкие черты лица и иссушила конечности, скрючивая их в местах суставов, делая старого рыцаря больше похожим на тощую крысу. Что именно некогда уважаемый воин забыл в безымянной деревушке пограничья, Ирлит не имела ни малейшего понятия.

Пока же она задумчиво и с подозрением рассматривала гербованный перстень на его костлявых пальцах, старик оправился от шока, и ярость его обрушилась на Ирлит с силой снежной лавины.

— Знал я, что проклятым ловчим нельзя доверять, но раз

уж вы жрица демонического отродья, я думал, вы сумеете найти к нашему особенному богу подход. — Он махал руками, надвигаясь все ближе и ближе, а голос перешёл на мерзкое визгливое рычание. — Мы просили вас лишь умилистить нашего бога, а вы взамен навлекли на нас ещё большую беду!

Ирлит закатила глаза и тоже сделала шаг вперед, повышая голос в попытке его перекричать:

— Ваши предки не считали Нукелави божеством! Они молились тому, что его сдерживало, то есть мор

Старик резко вскинул руку, хватаясь за мотыгу не то как за средство опоры для внезапно подкосившихся ног, не то как за оружие. Из своих замшелых каменных лачуг, откликаясь на крики, начали выглядывать женщины в серых передниках и их замаранные дети.

— Не носи чушь, жалкая еретичка! Не смей порочить его чуждыми гадкими именами! — Он махнул мотыгой в сторону леса. — Наши предки даже построили для него врата и создали из реки границу, дабы простые смертные не тревожили его покой!

Ирлит глубоко вздохнула, потирая переносицу и с трудом набираясь терпения. Рана на лбу отдавала болью в мозг, мешая подбирать связные аргументы:

— Это не река вовсе... — И возвращаясь к алтарю за вещами, Ирлит в этом убедилась. — А Нукелави — это демон, атакующий Западные берега еще со времен Паломничества

Ирины. Не одни вы от него страдали, но ваши предки нашли способ его сдерживать...

Сложно объяснять, когда тебя и слушать не желают. От обиды начинало подташнивать. Старик на секунду замолчал, дав Ирлит маленькую надежду, которая обратилась пеплом, когда он медленно, словно удивленно, пробормотал:

— А... Так ты просто умалишённая... Пошла вон.

Терпение лопнуло точно гнойный нарыв, и Ирлит позволила отчаянному рыку просочиться сквозь сжатые зубы:

— Это ров, а не река! — Рука инстинктивно сомкнулась на рукояти меча, раздражение перелилось через край, затапливая слова еле сдерживаемым звериным шипением. Говорила она, крепко сжимая челюсти и выплевывая отрывистые фразы в последней попытке достучаться. — Ваши предки вырыли ров и пустили к нему каналы пресной воды со скал. Они знали, что пресная вода остановит морское чудовище. Именно поэтому он никогда не пересекает границу... А врата — это не проход. Они нужны, чтобы заманивать его обратно в ловушку каждую осень.

Взгляд старика опустился на ее меч, и он разом отпрянул, выставя древко вперед. Не одно из сказанных слов до него ожидаемо не дошло:

— Угомонись! Я напишу в город, чтобы тебя сожгли на костре! Все знают, что вы, экзорцисты Декарата, немногим отличаетесь от ведьм, играясь с тёмными силами!

А. Ну да. Угрозы инквизицией в последнее время стали

главным оружием против жрецов Декарата в случае, если денег на пожертвование за обряд не нашлось... Но отчего-то, когда нужно изгнать проклятье из очередной деревни, к инквизиции никто не обращается. Ирлит сдалась и, вытирая огородную грязь с сапог о ближайший плоский камень, повернула прочь:

— Х а-а. Делайте что хотите, но череп — это доказательство того, что Нукелави не принимает ваши дары. — Она кинула взгляд на выбеленный дождем костяной остов. Зря только тащила... — Так как это вообще не его алтарь. Хотите жить, как предки, — начинайте вновь поклоняться морю, или морской демон вернётся и на этот раз поглотит вас окончательно.

Вот так всегда. Профессия неблагодарнее, чем у каторжников. Их хотя бы кормят и что делать понятно. А у жрецов одно только: «Мы там где-то видели что-то страшное, в грязи поваляйся, реку переплыви, но найди, где это было, что это за тварь такая, и изгони ее отсюда побыстрее. Это же легко. Молитву нашептал — и готово...». А потом еще обругают и ни гроша с собой не дадут. Но как какое другое проклятие объявится, так сразу...

— Стой. Ты не собираешься искупать свою вину за нашу скорую гибель!?

...помощи просят...

От наглости Ирлит было задохнулась, но со стороны это показалось обычным вздохом.

— Я объяснилась с вами и предложила решение проблемы. Ваше неверие — это лишь ваша беда. Я покину деревню не позже заката.

Но старик продолжал говорить:

— На севере, в долине, стоит храм. Те земли плодородны, и мы смогли бы поселиться там, но в храме, по поверьям, живёт древнее зло. Когда-то давно там творили страшные дела, и оно пришло на запах человеческого ужаса... — Он запнулся, когда понял, что Ирлит останавливаться не собирается. — ...Проклятая Ловчая, если в твоём проклятом сердце остались хоть капли совести, ты дашь нам хотя бы шанс на жизнь. После того как отняла последнюю надежду.

Отлично. Теперь ее принуждают к работе через чувство навязанной вины и попытки заинтересовать банальным старомодным сюжетом. Не зря ей показалось странным то, как просто и быстро он сменил тон. Она, говоря честно, ожидала попыток членовредительства и физической расправы.

Ирлит ускорила шаг, но тут по глазам мазнула тень, и она слегка запнулась. Опустив взгляд, с досадой осознала, что с сапога слетела набойка. Старик, воспользовавшись ее заминкой, все не унимал свой рассказ:

— Когда я ещё служил герцогу, нас с Грегором отправили достать из старой церкви священный сосуд, принадлежавший предкам нашего господина. Мы знали, что нас ждёт неопишемое чудовище, и в том храме мой друг остался навсегда, а я чудом остался жив лишь потому, что отвлёкся и не

смог войти внутрь, как двери намертво затворились. В кошмарах мне по сей день являются его крики...

Вкалачивая кулаком мокрую и скользкую от грязи набойку обратно в каблук, она нехотя уточнила:

— Что за Грааль?

Старик оживился:

— Бесценная реликвия, стоящая всех денег мира, что рассыпается в прах, если ее с алтаря снимут руки человека с порочным сердцем... — Его голос понизился до сиплого шёпота, отставляя мотыгу и вытирая руки о холщовые штаны. — Потому Грегор пошёл первым. Из всех рыцарей Герцога Шеогата он был праведнейшим.

Ирлит выпрямилась, бросая через плечо:

— Ясно. Ничего не обещаю. — Отрезала она как можно тверже, уже тише бормоча себе под нос: — Вдруг снова спасу ваши шкуры, и вы решите за это сжечь меня на костре... Прощайте.

Ирлит подавила желание скривиться, мельком рассматривая выражение лица старика. Подозрительно. Но проверить стоит. Чтобы там ни было, это её работа. Если, конечно, в храме её не поджидает свора разбойников...

Она, шумно взмахнув подсохшим за время, но все ещё тяжёлым плащом, повернулась, направляясь вглубь деревни. Надо расспросить местных и убедиться, что он все это не выдумал. Храм, проклятье, священная реликвия... Звучит излишне банально. Да и если этот старик, будучи рыцарем, по-

селится в глухой деревне из чувства вины или страха, что его накажут за неисполнение долга... С его стороны было бы разумно послать Ирлит туда, чтобы под конец жизни испустить грехи...

Небо над деревней тем временем окончательно посветлело, озарив мшелые крыши каменных лачуг. Ручейки влаги сбегали по острым выступам плоских камней, из которых были сложены старые покосившиеся стены. Люди, выскочившие на звуки ругани, поуспокоились, но продолжали с недоверием вглядываться в серебряные фигурки у Ирлит на плаще. Шептали что-то на местном северо-западном диалекте и ломали ссохшиеся обветренные губы в гримасах отвращения.

Опрос деревенских ожидаемо ничего не дал. Одна худая тощая женщина, похожая на взъерошенную цаплю, начала грозить метлой, лишь заведя, что Ирлит идёт в её сторону. Другая, с громким хлопаньем дождевой воды и щёлочи стиравшая бордовыми руками бельё у дома, отшатнулась от Ирлит так, что чуть не упала со скамьи. Пара мужчин, тащивших неводы с трепыхающейся серой массой из полуживой рыбы, осыпали странницу неизвестными, но довольно доходчивыми словами.

Лишь один старик, ездивший в город торговать, смог перекинуться с Ирлит парой скрипучих слов. Более того, он знал про храм, хотя и не слышал ни о каком «зле, обитающем там». Слышал лишь о том, что храм забыт и заброшен,

а у герцога нет ни денег, ни желания его восстанавливать. Все это он поведал со слухов на рынке, сам в глаза ничего не видя. Это делало слова рыцаря ещё более подозрительными, но иного варианта не было. Проверить она обязана по долгу службы, ибо: «И да любой страждущий покой обретёт и вечность во мраке постигнет...»

Постояв ещё немного под сводами скал, ведущих через малый перевал в деревню, Ирлит покинула ее, уворачиваясь от летящих с обрыва камней. По дороге наверху промчал огромный вороной конь, и мелкая галька осыпалась вниз неумолимым градом. Ирлит свернула на узкую заросшую тропу вниз к долине и, зайдя в пролесок, подозвала Эмируна.

Тот не откликнулся — ни на первый раз, ни на второй. Ирлит, вздохнув и перемявшись с ноги на ногу, нехотя сунула руку в карман плаща. Мозолистые пальцы проскользнули по промасленной ткани холщового мешочка и, выудив его за шнурок, развязали узел, извлекая содержимое. Влажный воздух наполнился ароматом перченого вяленого мяса с пряными травами, и не без сожаления и толики жадности Ирлит потрясла им на ветру.

Костяная морда показалась из кустов почти сразу. Эмирун, как ни в чем не бывало, бодрым прыгучим шагом, словно резвящаяся на лугу косуля, прискакал к Ирлит на лету, хватая кусок. Ирлит еле успела схватить его за узду, останавливая. Прошлым вечером она, мокрая и второпях, разбила

под скалой лагерь, где смогла поужинать найденными моллюсками вприкуску с собранными по пути грибами и свербигом, обжаренными на костре. Над еле тлеющими углями того костра она и оставила сушиться рабочую сутану, потому сейчас та нестерпимо воняла дымом, заставляя Ирлит морщить нос после каждого вдоха.

Ну ничего. Зато за сегодняшнее утро она успела съездить на Эмируне до алтаря и забрать лопату и меч, и даже убедиться в истинном происхождении реки-рва... К слову, вопреки своему обыкновению. Зачастую Ирлит после каждой исполненной службы отсыпается целый день либо в лесу, либо в ближайшем трактире, но в этот раз отдых, видимо, придется отложить.

Пока Эмирун с удовольствием дожевывал мясо, Ирлит сумела сунуть ногу в стремя и наконец усесться в седле. Стоило дёрнуть за поводья, как пёс обернулся, смотря на неё таким выразительным недоуменным взглядом пустых глазниц, словно искренне не понимал, что Ирлит от него надо. В ответ она с горестным вздохом достала из мешочка ещё один кусок и сделала вид, что бросила в сторону тропы. Эмирун посмотрел на неё как на умалишенную и, судя по протяжному рыку, блефу не поверил, но все равно нехотя поплелся в указанную сторону, больше из жалости к её попытке. Ирлит, ничуть не пристыженная, тем временем сунула сбереженный кусок себе в рот, с наслаждением разрывая тупыми зубами волокна.

В таком темпе к назначенному месту на дне долины они прибыли только к вечеру, когда солнце на одну свою треть скрылось за горным хребтом. Мягкие рыжие лучи растеклись по серым каменным массивам и плавленым золотом стекали вниз в качестве последнего источника света, медленно угасающего меж тисовых ветвей.

Ирлит спешила, когда взгляд нашёл среди них некогда белое кружево арок и барельефов. Когда-то давно храм был явно богат, величав и невероятно красив. Сейчас множество почерневших от времени каменных шпилей напоминало усеянную клыками пасть, раскрытую настолько широко, что почти вывернутую наизнанку. Центральная башня остро вонзалась в небо настолько высоко, что почти обогнала вековые тисы.

Вимперг нависал ломаной костью над чернеющей аркой входа. Ирлит шагнула к нему, краем уха слыша, как Эмирун сиганул в кусты. Видно, раньше к дверям вела аллея из белых тонких колонн, скреплённых белым узором вензелей. Сейчас колонны, не выдержав веса прошедших лет, сложились друг на друга словно домик из карт, облокотившись на фасад храма.

Ирлит осторожно подошла к массивным дубовым дверям с ажурной ковкой и на пробу схватила за огромное кольцо. Тяжёлый металл лишь грохотнул об дерево, которое ожидаемо не шелохнулось.

Она уже думала идти в обход и искать запасную дверь,

как сзади раздался скрежет. Ирлит обернулась, решив, что Эмирун, вернувшись с разведки, решил поползать по обломкам из чистого научного интереса к залегающим под камнем червям. Но это оказалось не так... Даже больше — противоположностью её ожиданиям.

Вместо громады чёрного меха на костяном псе, на покосившихся колоннах сидел...

— Ой. Котик. — Низкий хриплый голос почти инстинктивно сорвался на фальцет, приобретая по-детски умильные нотки.

Да. Кот. Тоже приличных размеров, но все ещё куда меньше Эмируна. С темно-рыжей, почти бордовой лоснящейся шерстью и фосфоресцирующими в сумерках глазами странного неестественного цвета.

Одно из проявлений проклятия или его воплощение? Вполне вероятно, ибо что в такой глуши мог делать огромный ухоженный кот, предположить Ирлит было сложно. Тем временем кот, устав разглядывать неказистую в его видении страничку, элегантно бесшумной походкой длинных, но мощных лап направился вверх по колонне в сторону разбитого витражного окна. Пушистый хвост качался из стороны в сторону в такт шагам, сметая с камня жухлую хвою. Окно находилось слишком высоко. А разбивать то, что ниже, ей бы не хотелось. Значит, видимо, ей придётся искать другой ход.

Ирлит задумчиво оглядела белые кости стрельчатых сво-

дов и, огибая колонны, повернула за угол. Стоило ей поставить хрустящую поломанную подошву на прелую листву маленького храмового кладбища, за спиной раздался оглушительный скрип, похожий на рёв подбитого вола. Осторожно вернувшись, Ирлит обнаружила, что неподвижная прежде дверь слегка приоткрыта. Хорошо, что ей не пришлось бродить в поисках прохода. Плохо, что её, похоже, ждут.

Ещё особой радости не внушило внезапное осознание того, что земля уже впитала последние лужицы закатного света. Сумрак обернулся настоящей ночью. Отчего-то, сколько бы Ирлит ни жила, она не переставала удивляться тому, как с осенью резко начинает быстро темнеть. Глупая людская особенность — встречать каждую новую осень, поражаясь всему так, словно не ожидали, что сумеют до неё дожить.

Ирлит всмотрелась в тёмную прореху между дверьми, зияющую всепоглощающей пустотой. Местами тьма словно просачивалась наружу на и без того залитую плотоядно-лиловым мраком дорогу из белого камня. Внутри ничего не было видно. Оставалось лишь ответить на любезное приглашение и зайти.

Она подошла и предельно медленно открыла дверь пошире, делая первый шаг внутрь. Обязательно с правой ноги. Даже если неудобно. Вместо ожидаемого холода её внезапно обдало жаром, от которого вмиг пересохли глазные яблоки, заставив Ирлит зажмуриться. На секунду промедления в дверном проёме что-то тонкое и невесомое оплело её ло-

дыжку с силой дернув внутрь. Открывая глаза, Ирлит почувствовала, как летит вниз на разбитую узорную мраморную плитку храмового пола, и услышала грохот захлопывающейся за спиной двери. М-да. Своей неторопливостью она, похоже, измотала чьё-то терпение.

Она быстро протерла веки, смахивая выступившие слезы, и поднялась на ноги. Увиденная картина казалась до того сюрреалистичной, словно Ирлит находилась во сне. Тени, густые точно чернила, заливали углы, оставляя место лишь для обломанных кусков стасидий, выступающих из тьмы белыми ребрами.

Заходя, Ирлит была уверена, что внутри храма будет полностью темно, так как луна пока не выползла из-за укромных гор на небосвод. Но вопреки ее ожиданиям проход к высокому алтарю заливал свет. Густой и насыщенный, он преломлялся, играя меж цветными стеклами всеми оттенками алого и пурпурного, переливаясь на полу словно дно горного озера. Блики жили своей жизнью, танцуя с гротескными тенями странный завораживающий танец. Жар и напряжение, натянутое в разуме тонкой тетивой, звенели в висках. Ирлит, шатаясь и ища точку опоры, сделала шаг вперед к алтарю. В этот момент давление стало невыносимым, и из носа побежала тонкая горячая дорожка крови. Прижимая перчатку к ноздре, Ирлит закинула голову, и помутневший взгляд схватил залитый пурпурным светом высокий силуэт у алтаря.

— Должен признать, ваша неспешность ужасает настоль-

ко, что даже в какой-то мере восхищает. Неужто в таком темпе вам в самом деле хоть раз удалось кого-то спасти?

По залу эхом разнесся томный и слегка насмешливый бархатный голос, и напряжение разом схлопнулось, оставляя в голове Ирлит вопящую тишину.

Она прищурилась в попытке сфокусировать глаза на человеке за алтарной кафедрой. Тот тем временем неспешно и бесшумно взмахнул чем-то, что она сначала приняла за странно изогнувшийся подол мехового плаща, и от стойки к ногам Ирлит подкатилась с железным звоном маленькая неприметная круглая деталь. Ножка. От кубка или чего-то похожего.

— Не это, случаем, ищите? — Низкий и урчаще вибрирующий голос проворковал над ухом, хотя существо оставалось неподвижным, обтекаемое почти осязаемым багровым светом.

Могут ли это быть осколки Грааля... Ирлит сама того не желая, проследила за перекачиванием ножки, словно сорока за блестяшкой. Ох, нет. Сейчас это не первоочередная проблема. Ирлит сосредоточилась, вглядываясь наконец в мутные очертания. То ли ей это действительно удалось, то ли сам неизвестный позволил ей себя разглядеть.

Это был высокий, подобный человеку, на первый взгляд мужчина... судя по голосу... Ибо по другим признакам судить было сложно. Длинные темные волосы, лежащие на плече тонкой косой, и блестящие в свете такими же оттенка-

ми, что и витраж. Молодое овальное лицо с тонкими изящными, хоть и еле различимыми издалека чертами и... глаза. Горящие пурпурным огнем кошачьи глаза. То, что Ирлит изначально приняла за плащ, оказалось... хвостом. Невероятно подвижным и на данный момент раздраженно, но мерно качающимся. Приглядевшись, она так же увидела на голове существа нечеловеческие, звериные уши.

У Ирлит вновь сперло дыхание, и на повреждённом лбу поверх кровавой корки выступила ледяная испарина. Размышления в попытке все сложить воедино услужливо завели её в железную Деву из ужаса. То, что она ощущает на себе сейчас, не является силой проклятия, — её бы она узнала. Это *колдовство*, и исходит оно от этого мужчины, кем бы он ни был. Зверолоды не обладают магией, тем более такой удушающе сильной. И не могут колдовать, так как это против их природы. А значит, перед ней не зверочеловек и не человек вовсе.

Демон. Причем один из незаточённых высших демонов.

Кошмар. Да, казалось бы. Ирлит — экзорцист, и изгонять демонов — это её непосредственная профессия по мнению большинства. Но это отнюдь не так. Любезно обозванные простым людом «Проклятые Ловчие» занимаются именно последствиями того, что осталось от первородных демонов, то бишь *проклятиями*. Так как сами демоны в большинстве своём либо изгнаны, либо заточены ещё со времён первого паломничества святой Ирины. Ну... в большинстве. Потому

при всём своём опыте и наивном желании выжить Ирлит с ним не справится.

Попытка его классификации, вызванная больше профессиональной привычкой, нежели слабой надеждой на выживание, тоже ничего утешающего не дала. Первыми сомнения вызывали звероподобные кошачьи признаки. Вполне возможно, что это лишь иллюзия, которую невероятно сильный маг наложил на себя ради маскировки, но... зачем, если для подобных целей проще выбрать распространенные и избыточные рога и другие части тела парнокопытных. Да и будь это колдун подобного уровня, желающий Ирлит смерти... шансов у неё не больше, чем с демоном.

Второе – это окутавшая храм тьма, не похожая на «власть места», свойственную обычным проклятьям, по ряду причин, включающих и жар, и сильное давление, к которому уже адаптированное к проклятой силе тело Ирлит должно было быть приспособлено... Вывод был один. И он не оставлял места любым спасительным маневрам.

— Может, вы уже хоть что-то скажете? А то мне как-то даже неловко.

Слова демона до Ирлит дошли в виде звука, но не смысла, так как она занималась тем, что обдумывала то небольшое, что пережила за свою короткую жизнь, оперев взгляд куда-то в пол. Она задумчиво прошла вперёд и, прежде нащупав рукой, опустилась на одну из пыльных стасидий. Она подперла одну щеку кулаком и задумалась над итогом всего, что её

бессмысленное на первый взгляд существование принесло в этот мир. И что унесло, само собой.

...

Нет, ну а какие ещё варианты? Сбежать она не успеет. Даже если обернётся с помощью подвески в птицу или мышь. Её сразу прихлопнут, и это будет в какой-то степени даже иронично. Попробовать умолять о пощаде? Это позабавит демона и разве что даст ей небольшую отсрочку неизбежного. Да и по сану не положено. Хм.. Что ещё? Выслушать, что он скажет, так как раз он её так терпеливо ожидал, то это может иметь значение?... Да ну, бред какой-то.

Кулак затек, и потому, уперев локти в колени, Ирлит положила подбородок на сложенные домиком пальцы, продолжая размышления.

Да и зачастую демоны просто играют в игры со своими жертвами, и вероятно, любой договор дарует ей участь куда страшнее смерти. Значит, надо смириться.

Ирлит прикрыла глаза и постаралась понять, какой именно поворот привёл её сюда.

— Мне начинать вас шантажировать или сразу пытаться, чтобы вы хоть на терцию вырвались из тяжких раздумий? Это, знаете ли, знатно оскорбляет. — Голос демона потерял свои заигрывающие нотки, окрашиваясь нарастающей скукой. — И изматывает.

Ирлит, методично протиравшая грубыми пальцами дыру на своих висках, ошалело задрала голову, щурясь от ударив-

шего в глаза блика, и тихо откликнулась.

— ... А?... А... да, подождите, пожалуйста, ещё немного.
— Медленно убирая руку от лица, Ирлит осознала, что старая пыль со скамьи еще хранит запах сандала, и словно для себя пробормотала: — Я пока не нашла точного ответа.

На мгновение повисло тягучее, словно патока, молчание, после которого демон удивительно спокойно уточнил:

— Ответа на что?

— На то, в чем заключался смысл моей жизни. — Незамедлительно пояснила Ирлит с облегчением, осознав, что звон в ушах прошел и взгляд наконец выхватил из парада красных лучей нужные детали.

Демон издал нечто похожее на вздох и оперся локтем на кафедру, подпирая подбородок изящной ладонью с длинными пальцами и острыми ногтями, обтянутыми тонкой тканью перчаток. Когда Ирлит не видела его лица, ей по тембру голоса казалось, что он улыбается, но сейчас, разглядывая его бледное, словно фарфор, лицо, ни тени улыбки на нем не было. Демон рассматривал ее с холодным, но неумолимо испытующим любопытством, а блестящие пурпурные глаза пронзали тонкими иглами зрачков. Кафедра находилась на постаменте, и оттого и так высокий силуэт возвышался над сгорбленной на стасидии Ирлит. Но даже так до нее доходил слегка щекочущий нос сладкий... почти гниlostно-сладкий запах миндаля, омраченный легкой горчинкой чего-то, что она не могла сразу определить. Словно кто-то забыл сахар

на сковороде, и тот начал пригорать.

Кошачьи уши на голове дрогнули, а хвост ударил по резному углу кафедры с тихим шорохом.

— То есть слухи не врани, и вы действительно сумасшедшая? — В его тоне не появилось раздражения, а лишь странная, почти человеческая усталость. — Что ж, это ожидаемо... хотя и сильно усложнит дело. — Он беззвучно вышел из-за кафедры, слегка покачивая бёдрами, и остановился в нескольких ступенях постамента от Ирлит. — Ну, не будем о грустном. Зато это даёт мне лишний повод прекратить с вами церемониться.

Ирлит согласно кивнула, опуская глаза. Да, наверное. Чем быстрее, тем лучше. Долго мучиться она бы не хотела. Зато, как и сказал демон, у всего есть своя светлая сторона. Ирлит хотя бы умрёт смертью достойной истинного экзорциста... а не как один из её товарищей по службе. Когда она ещё не покинула монастырь, до неё дошла весть о смерти послушника одного с ней поколения. Разъярённая толпа забила его камнями, узнав, кому он молится, когда он предложил помощь. Жалкая и глупая смерть, но и такое бывает. Ирлит вообще полагала, что прославится на века как первый экзорцист, умерший от того, что нечаянно уснул во время битвы или, например, получил смертельно опасное несварение. Так что тот расклад, который предстаёт пред ней сейчас, можно даже назвать благословением. Жила несуразно, так хоть померёт красиво...

Ирлит подняла взгляд, лишний раз оглядывая демона, который незаметно снова стал на шаг ближе.

Да. Вполне красиво...

— Прошу прощения. Похоже, я переборщил с подготовкой сцены, и заклятье подействовало на вас излишне сильно, разжижив вам мозги. Такое порой случается.

Он прошёл мимо нее, сложив руки за идеально прямой, словно у солдата, спиной, и не успела Ирлит шумно вздохнуть, как звук его голоса послышался за её спиной. Ирлит чуть повернула голову, краем глаза видя, как он опустил на стасидию позади той, на которой сидела она. Голос его обрел ласковые и почти воркующие нотки, неспешно и оттого... ха-ха, «не искушенному» слушателю могло показаться, что демону действительно жаль. Но следующие его слова разбили на осколки даже это мифическое ощущение:

— В любом случае, как я понял, терять вам там было особо нечего. — Он сахарно усмехнулся, словно делая одолжение. — Но в качестве акта милосердия я впредь буду говорить односложно, чтобы до вас точно дошло.

Запах миндаля ударил в нос с новой силой, и Ирлит осознала, что горечь вовсе не отдаёт чем-то жженым. Это алкоголь. Причём очень дорогой и качественный. Ликёр? Вероятнее всего. Демон, до этого сидевший на стасидии прямо, накренился вперёд и сложил руки на спинке, на которую чуть ранее откинулась Ирлит. Он приблизился слева близко-близко с лёгкой улыбкой, наблюдая за тем, с какой нер-

возностью она отводит взгляд и замирает, словно в надежде, что он сочтёт её за мёртвую.

— Я знаю, Ирлит Конте, — он произнёс её имя, натываясь на него как на застрявшую в зубах соринку, — что вы экзорцист храма Декарата из монастыря Андэ-Драйвер, и вместе с вами послушание принимала женщина по имени Эстер Антей. — Бархатное урчание, хотя и оставалось безмерно лилейным, в моменте налилось нетерпящей возражений сталью. — Вы скажете мне, где она сейчас находится.

И это он называет односложно...

Ох. Ирлит помнит уроки магистра Ноа. Демоны с поразительной легкостью считывают человеческие мысли и играют с памятью словно с занятой, хоть и хрупкой, безделушкой. В такие моменты главное — не начать все отрицать, чтобы не предоставить на обозрение демона свою уязвимость ещё больше и не дать ему идею для изощрённой пытки. Теперь и демон за спиной Ирлит покопался у неё в голове и решил выпотрошить неприятное прошлое. Наверное, ей будет проще отвечать прямо:

— Я не знаю ничего о её местонахождении уже как четыре года.

Ответ демона не удовлетворил, и он продолжил ворошить её и без того многострадальную память, видимо, специально давя на самые черные гематомы:

— В каких вы были с ней отношениях?

Врать бесполезно. Вероятно, вопрос риторический. Ир-

лит подала голос, но тот треснул, превратившись в сдавленный хрип:

— Кх... Друзья. — Она откашлялась в кулак, после чего стала вновь звучать спокойно. — Мы были друзьями и соратниками.

Интересно, сколько времени прошло с того момента, как Ирлит вошла в храм? Допрос продолжился. В искаженных магией пространствах время течёт по-разному. Возможно, она здесь уже несколько дней или пару тяжёлых терций... В любом случае, тени заметно подоспели на пол, и свет витражей стал куда мягче. Поднятая Ирлит вековая пыль, восстав из спячки, парила в алых лучах, то застывая, то колышась от её дыхания.

Видимо, заметив, как Ирлит вновь ушла в себя, демон с нажимом продолжил допрос:

— Она говорила вам о своих планах и целях на жизнь?

И зачем спрашивать, если он и сам прекрасно знает? Эта странная игра начинала вызывать у Ирлит недоумение, но она, как и велют правила, продолжала подыгрывать. Вероятно, демон просто хочет её вымотать.

— Да. — Кивнула Ирлит, ковыряя застывшую под носом дорожку крови. — В каком-то смысле именно поэтому мы и прекратили... сотрудничество.

Демон глубоко вдохнул, но терпеливо уточнил:

— Конкретнее. Что она вам...

— Погодите. — Ирлит прервала его, даже не подумав. По-

чему-то гложило ощущение, что он спрашивает не из зло-
радства, а потому что ему действительно интересно... но за-
чем? Ирлит со вздохом, словно изливая душу старому дру-
гу, призналась: — Я, кажется, перестала понимать, что про-
исходит.

Демон словно искренне и совсем по-человечески фырк-
нул:

— А вы наивно полагаете, что когда-то понимали?

Ирлит помотала головой, поднимая осевшую на её голову
за время разговора пыль:

— Я полагала, что вы хотите убить меня с максимальным
цинизмом и жестокостью. — Ответила она с неуместной в
данной момент рассудительностью. — Перед этим измотав
мою волю и измучив разум.

С выражением, полным искреннего скепсиса, он выгнул
бровь:

— Зачем мне, по-вашему, заниматься подобным?

Ирлит этот вопрос слегка застал врасплох и заставил на
долю терции замяться. Она попыталась подобрать слова, хо-
тя произносить это вслух было сущим абсурдом.

— Ну... Потому что я экзорцист.. А вы, э-эм... — Ирлит
попыталась произнести это так, чтобы это не звучало уничи-
жительно. — ...древняя демоническая сущность..?

Повисло молчание, и тонкие кошачьи зрачки слегка рас-
ширились, пока демон молча рассматривал лицо Ирлит. Те-
ни по углам, кажется, дрогнули. Воздух замер.

— Что?

— ... Что? — Ирлит сглотнула.

Сказано это было с таким пустым, ничего не выражающим, но при этом живым выражением, что она, дублировав вопрос, начала сомневаться, является ли она на самом деле экзорцистом. Может, Ирлит случайно не так построила предложение?

Вдруг оглушительную тишину храма прорезал шероховатый залиvistый смех. Сбоку уже никого не было, а мужская фигура материализовалась из тени прямо перед ней, прикрывая сотрясающееся от смеха лицо рукой.

Ирлит впала в ступор, моргая и вжимаясь спиной в ледяную каменную спинку стасидии. Она ничего не понимала ещё больше.

Когда приступ почти истерического хохота прошел и дёргающиеся плечи снова расправились в подобии военной выправки, «демон», смахнув острым ногтем слезинку с уголка раскосого глаза, иронично улыбнулся:

— Ха... Ха-ха... Ладно, я не буду принимать это за оскорбление и просто предположу, что предо мной тот самый несчастный продукт профессиональной деформации... Пожалуй, мне пора представиться.

Он по-светски откашлялся, скрестив руки за спиной, и на его плечах поверх тонкой жемчужно-белой шёлковой рубашки из тени соткался военный камзол с гербованными эполетами.

— Корун Террейл, министр иностранных дел Объединенной империи Лакоры и её непосредственный представитель.

...

Глушь леса снова заняла свой главенствующий пьедестал, когда последний истошный вопль обрушился на землю вместе со своим хозяином. Тело с силой ударяясь о мшелую гниющую траву, рваными кусками блестящего алого мяса распласталось по земле. Вместе с ним по прелым иглам рассыпались окровавленные золотые волосы.

Мужчина, стоящий над ним, брезгливо откинул от себя чужой длинный и изогнутый клинок и, расправив плечи, обтер голую руку о и так безнадежно испорченный бурыми пятнами камзол.

— Гадство. — Вслух отметил он, краем чуткого кошачьего уха улавливая шум со стороны причудливого рва, лежащего за лесом.

Он мельком окинул почти чёрное в сумерках месиво из тел и прикинул по золотым макушкам, все ли из жертв достаточно мертвы. Не считая безголового тела у дальнего куста, странно помятого и словно поеденного, все прочие были на месте. Под «прочими» мужчина подразумевал и своих, и чужих, само собой, хотя в каше из крови, внутренностей и ошметков доспехов различить их было трудно.

Слившаяся воедино во тьме крон, пока не остывшая масса источала горячий пар в похолодевший ночной воздух и отдавала липким неприятным жаром. Первые лучи звезд пада-

ли на разодранное брюхо одного из эльфийских гвардейцев. Трупы лошадей лежали за деревьями неподалёку, и мужчина с досадой подумал, что от раздражения, копившегося неделями, он навёл просто вопиющий беспорядок. Гнев, выпущенный наружу мгновениями ранее, наконец прекратил kloкотать в сжатой глотке, и он уже на трезвую голову продумал план дальнейших действий посольства в его несомненно привлекательном, но теперь удручающе одиноком лице.

В первую очередь необходимо было связаться с империей. У одного из членов посольства вроде даже завалялся сенте-тиум...

Во вторую очередь необходимо было убрать за собой бардак, пока лесные звери, заручившись примером той чёрной твари, не растащили останки по лесу. Уничтожать весь лес было бы слишком хлопотно.

Мысль о том, как убить разом двух зайцев, была простой и до истощения банальной.

Он потянулся, прохрустев с оглушительным треском позвоночник, затекший после нескольких часов скачки на коне, и, зевнув, перекатился с носков на пятки. Мужчина стянул с другой руки липкую от крови перчатку и на пробу щелкнул пальцами. Те проскользили подушечками по ладони, не издав ни звука. Он устало вздохнул, выкинул перчатку в кучу иного мусора вокруг, уже удосужившись достать из нагрудного кармана платок. Через терцию обе руки были идеально чисты, и по поляне разлетелся чёткий, как хруст

кости, щелчок. Из-под мрачных и затенённых уголков и расщелин леса начали вытягиваться огромные осязаемые тени. Они стояли, сливаясь с высокими деревьями, и кривились, видоизменяясь подобно кускам мокрой чёрной глины под руками мастера за гончарным станком.

Приняв конечную, хотя и все еще расплывчатую форму, тени отделились от того, что их отбрасывало, и потянулись к накрытому для них пиру с чавканьем и потусторонним гудением, поглощая останки.

Пока они проводили зачистку, заглатывая груды плоти вместе с доспехами, мужчина успел протереть платком запонки на рукавах и носки ботинок. Закончив работу, тени осели обратно на землю, возвращаясь в свои норы, а на бледную ладонь приземлились маленькие посеребренные карманные часы на цепочке.

Почти сразу, окрестив гравировку на крышке безвкусицей, мужчина подцепил щель длинным чуть загнутым ногтем большого пальца, и часы распахнулись.

Он перевёл стрелку терций на восток, а ту, что крупнее, трижды обвёл вокруг своей оси. Раздался магический сигнал, зашипели поднявшимся ветром помехи, и над циферблатом возникло плоское однотонное изображение. Фигура колыхалась как на водной глади, и из всего вороха образов удавалось выудить лишь тёмный женский силуэт.

— Госпожа Со'Афарэ, меня слышно? — Чекая слова для лучшей передачи звука, произнёс мужчина.

После небольшой заминки фигура колыхнулась, делая жест, похожий на взмах рукой. Поляну окутал сладкий и мелодичный голос.

— О! Наш великий конспиратор собственной персоной. Давно не виделись. Слышала, тебя разоблачили, несмотря на твое слащавое личико. Видимо, не всем понравилась твоя любовь потрошить чужие тени. — В её выражении слышалось лёгкое нескрываемое, хоть и беззлобное, веселье. — Так что, как там ты, Корун, я знаю. А как там наша дорогая Йо'анна? — Искажённый иллюзией манерный тон выдавал неподдельный, хотя и немного ленивый интерес.

— Многое пошло не по плану, но есть и хорошие новости. — Корун усмехнулся без тени раскаянья, кивнув головой на вид за своей спиной, прекрасно осознавая, что Со'А-фарэ этого не увидит.

— О!... Это значит, что ты снёс всю светло-эльфийскую империю под основание? Террейлл, дорогой, я в тебе не сомневалась. — Она радостно рассмеялась, казалось бы, ничуть не смутившись.

— Не совсем. — Спокойно оборвал её Корун с иронией, закатывая глаза на разочарованное и почти старушечье «ай-яй-яй» в ответ. — Но зато, — поспешил он её успокоить, — я провёл масштабную чистку кадров. Могу заверить, что в наших рядах остались только лучшие.

Он многозначительно обвёл взглядом опустевший лес.

— Хм... Что, прям все умерли?... — Судя по движению

силуэта, женщина задумчиво почесала подбородок, выдыхая лишь немного удрученно.

— Эльфы не приняли условия договора и выставили нас за границу с вежливой просьбой больше не приезжать. А новым членам посольства очень понравилась жизнь в знакомой культуре, и они решили... остаться в Йо'анне при первой же возможности. — Корун слегка поморщился, вспоминая умоляющих врага о пощаде «союзников», и дернув ухом, добавил: — Впрочем, что-то подобное мы и ожидали.

Женщина невпечатлѐнно качнула головой и, если послу не слышалось, кажется, зевнула куда-то в кулак:

— Ну, зато теперь будем иметь ввиду, что агентов в княжестве Анаир лучше не набирать.

— Я сразу так и сказал. — Корун с толикой заносчивости скинул подбородок, параллельно свистом подзывая к себе мелькающего меж деревьев коня, которого он отогнал ещё в самом начале сражения.

— Да ладно тебе. — Женщина двинулась, судя по скрипу, откидываясь на спинку кресла. — Мы же решили, что раз они тоже светлые эльфы, то уж как-нибудь да найдут общий язык, а вот оно как оказалось... Ну, кто не ошибается... — Собираясь сказать что-то философское, она выдержала драматичную паузу.

— Тот не приносит действительно интересные новости. — Закончил за неё Корун.

— Не томи. — Коротко обрубилa Со'Афарэ, и Посол по-

чуял сквозь помехи, как резко она стала в разы серьёзнее. Хотя по звучанию это и не было особо заметно.

Корун растянул губы в ухмылке, чуть понижая тон голоса: — Скажите, госпожа. Что вы знаете о Проклятых Ловчих? Женщина недоуменно протянула:

— О жрецах Культа Декарата? Достаточно, но не настолько, чтобы забивать этим голову.

Корун развеселился ещё сильнее, растягивая слова:

— А что, если я скажу вам, что одна из беглых жриц монастыря Владыки Бессмертных Скверн сейчас ходит под ручку с канцлером и плачется ему в подмышку о гонениях на эльфов в Тагаре? — Он наслаждался повисшей тишиной и добавил: — Ах, да. И щеголяет при этом одной очень занятой побрякушкой, позволяющей подчинять законы природы.

Госпожа, осмыслив, уточнила:

— Это всё? — Дождавшись кивка, она привстала с места, оперевшись руками на стол; силуэт от того стал выглядеть ещё более размыто. Она как бы невзначай уточнила: — Что за монастырь? Я знаю, что их по всему свету несколько.

Корун немного покопавшись в памяти, пояснил:

— Тот, что на востоке Тагара. Андэ-Драйвер или как-то так.

Над головой пролетела сова. Лес как-то по-странному оживился с момента заката и наполнил тишину дотоле неслыханной какофонией звуков.

Госпожа замерла, и посол, решив, что сентетиум завис,

уже был готов постучать по нему ногой. Но тут Со'Афарэ, видимо взяв сентетиум в руки, поднесла его совсем близко ко рту, проговаривая слова. Уши Коруна резанул неожиданно громкий звук её голоса.

— Похоже, твоё возвращение домой откладывается, дорогой. — Заявление, не терпящее возражений, вызвало у посла лишь спокойное принятие. — Я знаю человека, что может многое тебе рассказать как о самом монастыре, так и, возможно, о той даме. — Женщина торжественно объявила: — И о чудо. По счастливому стечению обстоятельств, она находится совсем у тебя под носом.

Корун должен был признать, что это звучало как минимум интересно.

— Кто и по каким признакам опознать?

Со'Афарэ усмехнулась его беспромедлительной готовности и с невесомым снисхождением проворковала:

— Ирлит Конте. И поверь мне, ты узнаешь её сразу. Она невероятно выделяется своей неухоженной... заурядностью. Светлые волосы мышиного цвета, серые глаза. — Она выуживала из головы факты, буквально швыряя их в Коруна. Порой память госпожи на встреченные всего раз души его искренне поражала... — Полновата, неказиста. Лицо болезненное и отекшее. Шрам на щеке... — она сначала задумалась, но почти сразу отмахнулась, — вроде на правой. Хотя, зная её образ жизни, возможно, уже давно исполосовано все лицо... Взгляд как у загнанного животного – не то просто

боится, не то прикидывает, как откусить тебе палец. Так что советую, как найдешь, прижимать к ногтю, чтоб не сбежала. Если кратко, то ты поймёшь. — Послышался треск закрывания прибора по ту сторону, но в последний момент Госпожа на прощание бросила: — А. И смотри на сутану и цепи на плече.

Корун разок ради приличия скривившись над описанием, запомнил самое важное и уверенно кивнул. Надо прижать — значит, прижмет.

— Принято.

Крышка сентетиума была захлопнута, и прибор небрежно упал в карман брюк.

Предстояла нудная, хоть и нужная работа по грамотному составлению удобной для него логистики человека, который пока даже не подозревает, что маршрут его кардинально перестроен.

...

— ... Оу.

Все, что удалось выпалить Ирлит в ответ.

Внутри же монолог схлопнулся, перечеркнутый написанной кровью, горящей надписью:

«Я, кажется, идиотка».

Да. Пожалуй. Как бы грубо это ни звучало. Мнительная, неосторожная, буйнопомешанная идиотка.

Надо записаться к мозгоправу, когда это все закончится. Именно так и звучало основное содержание всех её мыс-

лей, которые она решила отложить на потом, дабы хотя бы сейчас неловко вслушаться в слова... Господина Террейла.

— Меня направила к вам небезызвестная Со'Афарэ Линаро с указанием на то, что вы можете предоставить мне необходимую информацию. — Видимо, прочтя искреннее непонимание на её лице, он по-своему пошёл на попятную. — «Софа», если вам так будет проще вспомнить.

О. Да. Такая в жизни Ирлит точно встречалась.

— Э-э-э, Софа...? Что-то знакомое... — Впервые за все события этой ночи взгляд Ирлит опустился на висящие на поясе ножны. — А... Да, эта милая дама зачаровывала мой меч... Вроде бы. — Несмотря на кроткую и несмелую вспышку в памяти, Ирлит закусила губу, боясь ошибиться. — Приношу свои извинения, у меня очень плохая память на лица... и на имена... и на даты тоже, если честно, нео...

Господин Террейл осек её бессмысленные оправдания с тяжёлым вымученным вздохом:

— Госпожа Линаро — глава имперского парламента... — Он выразительно посмотрел на неё сверху вниз. — ...и министр внутренних дел Лакоры. Ну, так, к слову.

От досады Ирлит впилась короткими ногтями в запястье и тут же поморщилась от боли:

— О... это похоже на правду.

Действительно, та женщина выглядела могущественно, но по её скромному вкусу излишне экстравагантно для политика. Хотя сейчас, рассматривая министра иностранных дел,

Ирлит, кажется, поняла, что в Лакоре, похоже, просто иные представления об... официальности.

Корун смерил её холодным взглядом, и уголки тонкой улыбки дрогнули:

— И вы запомнили её всего-навсего как «даму, которая зачаровывала ваш меч»? Уморительно. — Констатировал он абсолютно невесело. — Ладно. Об этом позже. — Он сделал шаг вперёд, и что-то невидимое заставило Ирлит высоко задрать голову. — Повторю вопрос. Что вы знаете о планах Эстер Антей?

«Ничего. Просто не перестаю поражаться, как эта девушка не даёт мне спокойно работать даже после своего... ухода», — мысленно ответила ему Ирлит. Действительно, Эстер умудрилась ввязать её в очередную смертельную игру, возможно, даже этого не осознавая. И теперь она воплотила в жизнь очередной страх Ирлит — толкнула её с обрыва в цепкие руки политики. Если ловчую казнят, то это будет исключительно и неудивительно вина Антей.

Надо из этого выбирать. И чем скорее, тем лучше. Только вот...

— Погодите. — Ирлит огляделась по сторонам, словно впервые. — Меня направили сюда ради снятия проклятия. И судя по осколкам Грааля, часть из сказанного стариком действительно была правдой. — Она привстала, оглядываясь в поисках той самой ножки, укатившейся в проход. — Мне нужно сначала сделать свою работу, а после я отвечу на все

ваши вопросы.

Посла её требование позабавило:

— А. Вы об этом? Не беспокойтесь. — Он легко отмахнулся. — Я уже сделал вашу работу за вас, дабы мы не задерживались.

Ирлит замерла. Как понять, «сделал»? Заметив её замешательство, он наклонил голову и с долей театральности указал тонким ногтем куда-то наверх, под фигурные своды потолка.

Ирлит медленно подняла голову. Прошло пару терций, пока взгляд пытался выхватить из тьмы, кишящей точно червями редкими узорами барельефов, хоть что-то.

Ирлит похолодела.

Под потолком, распятым, висело человеческое тело. Мужчина в серых, мутных даже спустя столько лет доспехах был буквально прибит к одному из сводов обломками стасидий. Белые каменные копыя пробили насквозь видоизмененные руки и шею, пригвозждая их к потолку. Тело продолжало сотрясаться в беззвучных конвульсиях. Оно дрожало и подергивалось, а чёрный рот почти истлевшей головы распахивался в немом крике.

Он висел там все то время, пока они говорили...

— Но... Зачем? — Ирлит непонимающе посмотрела на Террейла, на что тот спокойно, взмахнув хвостом, направился к выходу, показывая, что их пребывание здесь окончено.

Пристыженная и заткнутая поглубже профессиональная гордость вспыхнула вместе с внезапно появившейся смело-

стью, и Ирлит негромко, но чётко проговорила ему вслед:

— Нет. Так нельзя. Вы таким образом только усугубите проблему. Дайте мне сделать свою работу, и пообещаю, что расскажу вам все, что знаю.

Посол хохотнул, оборачиваясь к ней:

— Вы в любом случае это сделаете. — Он смерил её насмешливым взглядом, но все же махнул в её сторону рукой. — Так и быть. Лишь из уважения к вашей древней и редкой профессии я дам вам время до рассвета. Как раз, пока попробую отогнать вашу странную псину от своего коня... Ах, да. Мне спустить данного господина с небес на землю? — Он дождался кивка Ирлит и, прикрыв глаза, повернулся, продолжая путь к выходу. — Развлекайтесь.

Господин Террейл щелкнул пальцами, и сначала с потолка посыпалась каменная крошка, а после прямо позади Ирлит на пол с грохотом доспехов обрушилось тело, поднимая в воздух облако пыли.

Посол тем временем уже исчез за дверью, но, перед тем как с грохотом её захлопнуть, напоследок произнёс:

— Ах, да. Проверьте за кафедрой. Там тоже есть кое-что любопытное.

И так Ирлит осталась наедине с неподвижным телом. Храм погрузился в тишину, нарушаемую лишь шорохом оседающей на пол пыли.

С уходом Господина Террейла доселе алые витражи приобрели простой голубой цвет, впуская внутрь лучи чистого

и холодного лунного света. Углы очистились от теней, и зал стал выглядеть до дрожи умиротворяюще.

Ирлит повернулась в сторону кафедры, краем глаза замечая движение со стороны тела, и вовремя отпрыгнула в сторону. Летящий в неё каменный обломок ударился о постамент, рассыпаясь на части.

Бездыханное тело затряслось, приподнимаясь. Спина выгнулась, и оно с трудом подобрало под себя дрожащие ноги, привставая. Ирлит положила руку на эфес меча и всмотрелась, отмечая особенности облика проклятого. Как ни иронично, в отличие от того, как живые души умело скрывают все свои грехи под оболочкой, попадая под действие проклятия, внешность начинает отражать все то, что при жизни приходилось прятать. За весь опыт работы Ирлит четко осознала, что любая, даже самая небольшая деталь, может стать ключевой для понимания основной метафоры жизни и несчастья, которую теперь облекает душа.

Зазвенели потускневшие погнутые доспехи со следами коррозии на стыках, раздался хилый негромкий стон. Закружилась в воздухе пара кусков истлевшей кожи, больше похожей на облепившую череп бумагу. Он с трудом, свойственным ходячему мертвецу, переставлял облачённые в латы ступни, а несколько каменных «гвоздей» продолжало хаотично торчать из его высокого и мощного, но беззащитного под доспехами тела. В том мужчине почти не было ничего примечательного... Кроме рук. А точнее, того, что было

вместо них.

Ирлит попятилась назад, когда проклятый ускорил шаг, на ходу пытаясь вырвать из своей пробитой грудины кусок камня двумя раскидистыми оленьими рогами, что росли у него из предплечий. Ветви были похожи на нечеловечески длинные, неестественно изогнутые узловатые пальцы рук, раскинутые в разные стороны, но даже это не помогало. Концы рогов цеплялись, но лишь скользили по камню, выцарапывая из мертвеца лишь обречённый вой. Челюсть отвисла, а рога по-странному опустились вдоль туловища.

Ирлит не двигалась, чтобы случайно его не спровоцировать. Нужно было вытащить осколки. Даже если мертвец все ещё способен выйти с Ирлит на контакт, от пережитой пытки он озверел и двигался, ведомый лишь болью и гневом. Стоило его отрезвить.

Ирлит медленно двинулась, обходя проклятого по кругу. Мертвец, почувствовав движение, бросился на неё, выставив острые рога перед собой на манер клинков. Несмотря на разваливающиеся истлевшие сухожилия, движимые проклятой силой, удары выглядели плавно и отточено, лишённый раз доказывая, что тот, кто их наносил, был военным.

Ирлит увернулась, думая о том, не было ли поблизости чего-то, что могло задержать мертвеца на время. Взгляд как по заказу наткнулся на стоявшие в мрачном затемнении обломки некогда дорогого, но ныне сгнившего деревянного конфессионала, от которого осталась лишь одна стена с решет-

кой. Подойдёт.

— Уважаемый господин. Мне кажется, вам все же есть чем со мной поделиться. — Громко окликнула она, привлекая внимание проклятого, и тут же бросаясь в сторону исповедальни.

Мертвец с небольшой заминкой поднял проскользившие по плитке рога и разогнулся, громко хрустя всеми костями сразу. Он короткими перебежками вскочил на пьедестал, огибая кафедру и бросаясь к углу, в котором уже ждала Ирлит.

Ловчая зашла за гнилую деревянную стену, заодно проверяя её устойчивость. Был риск, что мощный и размашистый удар превратит её в щепки, а значит, необходима была осторожность. Мертвец ориентировался лишь на звук, так как глаза давно разложились, и, понимая это, Ирлит замерла за конфессионалом, наблюдая за рваными движениями проклятого через мелкие отверстия решётки. Она осторожно отстегнула лопату с пояса, и даже этого хватило, чтобы он повернул голову в её сторону, широкими выпадами неустойчивых ног приближаясь к груде деревянных досок. Прямо перед стеной он замер, и Ирлит, поднимая конец лопаты, поскребла им по решётке, тут же отдергивая руки. Мертвец среагировал молниеносно, и длинное остриё рога прошло в решетку словно в масло. Кусок щепки попал Ирлит в глаз, и она отшатнулась, зажмурившись.

Отбросив лопату в груду сухой щепы, она ухватилась за

рог, неумело пытаясь удерживать его на месте. Послышался рёв, и рядом дерево стены пробил второй рог. Воспользовавшись моментом, Ирлит, прилагая невероятное усилие, приблизила и соединила их вместе, плотно переплетая ветви меж собой.

Мертвец пару раз дёрнулся на пробу. Деревянная конструкция треснула, но продолжала смирять его на манер колодок. Не теряя ни терции, Ирлит стрелой вылетела из-за стены и бросилась под пузо к проклятому, цепляясь руками за осколки и дергая их на себя. Кожу лица обдало запахом подвала, но от самого мертвеца она услышала нечто похожее на хриплый облегчённый вздох. Но вопреки ожиданиям этого было мало. Проклятый воин расколол деревянную стену, освобождая один рог. Ирлит, растерявшись и слегка опьянев от забурлившей в голове крови, огрела мертвеца по затылку зажатой в руке осколком. По странному стечению обстоятельств, он в миг обмяк, падая на колени и оседая в грудку гнилых досок.

Убедившись, что существо пока не собирается подниматься, она со вздохом направилась к кафедре. Похоже, пытаясь удержать рог на месте, она вывихнула плечо. Надо будет потом вправить.

На пьедестале за высокой кафедрой лежал опрокинутый навзничь реликварий. Вокруг него веером были рассыпаны осколки из белого металла, не почерневшего даже от времени. Ирлит припала на колени, собирая их в кучу, рассматри-

вая под лунным светом.

Да. Обломки некогда красивого кубка из белого золота. Всего их она насчитала двенадцать и, мельком подумав, сходила за ножкой от кубка, лежащей в проходе, после чего вернулась, чтобы рассмотреть все подробнее.

Реликварий представлял собой простой белый постамент с редкими резными узорами. Ирлит попыталась его поднять, хватаясь за края и ставя на место в вертикальное положение. Но больше её заинтересовало то, что она нашла под ним. Также белые осколки, но теперь являющиеся ничем иным, как раздробленными костями. Разглядев их получше и тщательно ощупав, Ирлит коротко прошептала:

— Руки... «Грааль с алтаря снимут лишь руки праведнейшего»...

Ха... Ирлит горько усмехнулась, и пальцы сами собой впились в кожу рук с отрезвляющей болью. Тот старик... он был ещё более наглым дураком, чем показался сначала.

Внезапно со стороны конфессионала послышался хрип. Ирлит вскинула голову. Мертвец, покачиваясь, стоял в нескольких шагах от нее и что-то еле разборчиво хрипел.

— Релик... вия... Никто... кх... не был достоин.

Ирлит встала напротив него и протянула ему осколок руки, оглядывая торчащие из предплечий рога.

— ...Грегор?

Проклятый в ответ чуть качнулся вперед:

— ... Он... пропустил... вперед... Сказал, что я досто-

ин... Я взял его... — Мертвец сделал шаг, но запнулся и распластался по земле. От прежней силы не осталось и следа.

Ирлит подошла ближе и присела напротив, чтобы не пропустить ни слова.

Грегор, вслепую опираясь на рог, приподнялся и продолжил:

— Мне... жаль... он был такой тёплый... такой.. прекрасный... Но Сид... он подошёл ко мне... сказал вцепиться покрепче... и... замахнулся мечом... — Глухие хриплые звуки превратились в судорожные всхлипы сожаления. — Кровь... лилась... я не мог ничего сделать... лежал и смотрел... как он забирает его... моими руками... А потом... потом Грааль рассыпался...

Ирлит с готовностью заглянула в мёртвое истлевшее лицо.

— Я здесь, чтобы успокоить вас. Давайте я отомщу тому человеку, что так чудовищно вас предал, чтобы ваша душа была свободна? — Рука непроизвольно легла на гарду меча на поясе. — А после я сообщу Герцогу о том, что на самом деле здесь произошло.

— Нет. — Удивительно чётко и громко ответили ей. — Сид... уже получил... по заслугам... я чувствую... это... Но никто... из нас... в тот день не был достоин... Грааль раскололся из-за нас обоих... Бесценный... Святой...

Ловчая смиренно убрала руку с гарды:

— Тогда что я могу сделать для вас?

Грегор замолк, вновь начав нащупывать рогами что-то

под собой.

— Граа-аль... Верни его... храму... Верни его... Прощу... Собери наш грех воедино... Я... Согласен на все... сам этого уже... не смогу. — На последних словах голос сорвался, став подобным голосу простого, безмерно горящего мужчины, и Грегор в тот же миг осел на пьедестал, распластавшись по плитке.

И все затихло. Хотя Ирлит была полностью уверена, что в храме все ещё не одна. Пока.

Она все же вынула меч из ножен, перехватывая его в обе руки, и со звоном и молитвой «Об упокоении» на устах погрузила меч в и без того бездыханное тело.

...

Через несколько часов она уже сидела в дальней части храма за небольшим костром, сооруженным из остатков исповедальни. Ей пришлось на время выбраться из храма и найти Эмируна в окрестностях, чтобы под скептическим взглядом Господина Террейла извлечь из седельных сумок походный котёл. После этого она сразу вернулась и приступила к приготовлению. Содержимое котла томилось и бурлило уже довольно долгое время. Ирлит взяла стоящую рядом с собой на полу ступку и вытряхнула остатки костной муки со стенок в варево. Она привстала, укладывая её в подсумок, и повернулась к уже расчлененному телу Грегора, аккуратно складывая оставшиеся крупные кости и череп на найденный в сумке кусок ткани.

Проклятая Ловчая задумчиво помешала белую жижу в котле и с досадой осознала, что до рассвета довести до нужной густоты её не успеет. Ирлит порылась в карманах плаща в поисках чего-то подходящего и с облегчением извлекла из них пару ягод омелы и мешочек каких-то зерен. Все это было закинуто в котёл, и томительное в прямом смысле ожидание продолжилось.

Через час ложка внутри котла двигалась уже с трудом, и Ирлит, удовлетворенно хмыкнув, опустила край самого крупного осколка внутрь. После чего достала и примерила к краю осколок, продолжающий узор. Тот прилип плотно и крепко.

— Ха-ха. «Намертво» получается. — Глупо фыркнув со своей шутки, она продолжила работу.

Так, медленно, но верно, кубок был собран воедино. До застывания подождать нужно было немного, благо воздух в храме теперь был натурально и реалистично холодный.

Дождавшись, когда прочность Грааля начала внушать доверие, Ирлит вернулась к реликварию. Произнося последние строки молитвы, она на двух вытянутых руках установила Грааль в когда-то специально созданное для него углубление в постаменте. Ножка со стуком коснулась камня, и по храму прошла волна странного потустороннего тепла. За спиной раздался облегченный и благодарный вздох.

Единственная плата, за которую Ирлит готова страдать.

Откуда-то со сводов храма ей на шершавую испачканную

ладонь упал плоский блестящий медальон в виде хрупкой лани. *Как символ глупой и бессмысленной жизни, по собственной воле принесенной на безжалостный алтарь долга из раза в раз и несмотря ни на что...*

Уже на рассвете кладбище при храме впитывало в себя ритмичные стуки лопаты о влажную землю. Господин Террейл стоял, оперевшись на те самые поваленные арки, и безучастно глядел на комки грязи, летящие в разные стороны.

— Искренне надеюсь, что рассказываете вы куда быстрее, чем работаете. Неужто это все действительно стоило той блестяшки, что висит теперь у вас на плече.

Укладывая последнюю лопату земли на холм безымянной могилы, Ирлит обернулась, вытирая пот со лба.

— Не беспокойтесь, господин. Я сказала, что обо всем вам расскажу, значит, так оно и будет. Думаю, мы можем ехать. — Она сбила грязь с лопаты о ближайший камень и сложив спрятала инструмент за пояс. — Я тоже рассчитываю, что мы с вами закончим быстро.

Осенний ветер нёс по дну долины глухой вой иронии.

Осенний ветер нёс по дну долины глухой вой иронии.

Глава 2

Мешки и кошки.

What you
don't know
can't hurt you...

Эмирун встрепенулся под седлом, взбрыкнулся и щелкнул белыми зубами в дюйме от ноги исполинского черного коня. Ирлит дёрнула узду на себя, чуть притормаживая и уводя строптивого зверя подальше от несоразмерной добычи. Он в ответ, рыча и ёрзая, пару раз остервенело ударил костяной лапой по дорожной пыли, оставляя на ней борозды от когтей.

Воспользовавшись заминкой, Проклятая Ловчая обернулась. Солнце уже было высоко, когда они покинули долину, и вся их с господином Террейлом дорога проходила в усталом молчании. У Ирлит была идея рассказать послу всё то, что она знает, в ближайшем пролеске, но тот, здраво оценив её состояние, настоял на перемещении в более спокойные, благоприятные, а главное, по его словам, «чистые и сытые» условия. Чтож. Его воля. Ирлит сама была бы не прочь по-

есть и отоспаться.

За время её размышлений конь Господина Террейла тоже остановился, а его хозяин смотрел на Ирлит с легким недоумением.

— Так и быть, — мягко сделал он одолжение, кивая на дорогу. — Вопрос о вашем специфическом выборе средства передвижения я оставляю до лучших времён. Есть нечто более надоевшее моему усталому разуму. — Дождавшись, пока Ирлит поравняется с ним, он ударил по крупу коня и продолжил уже на ходу: — Я слышан от нашей общей знакомой о ваших способностях. Почему, если у вас есть возможность превратиться в любое животное, вы не влетели внутрь храма в облике птицы?

Задрав голову, Ирлит встретилась взглядом с кошачьими глазами, полными недоумения. К слову, другие кошачьи признаки так же оставались на месте, что вызывало подозрения о их совсем неиллюзорном происхождении. Ни для маскировки, ни для устрашения они в данный момент ему не были бы просто не нужны. А значит, смысл в темно-рыжих ушах и хвосте был иной, сакральный и абсолютно Ирлит непонятный. Ах да. Так же при свете дня выяснилось, что волосы, которые, как казалось Ловчей в храме, просто отражали свет витражей, в самом деле были бордового цвета и ложились на плечо посла, заплетёнными в тугую косу. Очень странная внешность для дипломата... но, помня о внешности их главного министра... Ладно, пожалуй, это вовсе не то,

что сейчас должно её заботить.

— Почему, если у вас есть возможность сливаться с тенями и перемещаться во тьме, вы пользуетесь конём? — парировала она вопрос исключительно из такого же искреннего интереса.

Террейл сохранил на лице непроницаемое выражение, и лишь уголки тонких губ слегка дрогнули:

— О, вы играете не по правилам... но так и быть, на этот раз я вам уступлю. — Он отвернулся, смотря на дорогу и показавшиеся из-за вересковых холмов черепичные крыши небольшого городка, с лёгкой, почти усталой ноткой поясняя: — Если я буду перемещаться в виде осязаемой тени, то окружающие души будут пугаться меня куда раньше, чем я того бы хотел.

— То есть вы хотите сказать, что... Это... Души не пугает?

Ирлит не удержалась, скептически выгнув бровь, глядя на исполинского чёрного, как смоль, жеребца с тонкими клыками под верхней губой и островками чешуи на крупе, которые невооружённым взглядом можно было бы принять за плешь. Химера, вероятнее всего.

Посол, ничуть не смутившись, фыркнул:

— Хах. Подловили. Просто скажу, что это изматывает и не так удобно, как кажется. — Его ухо чуть дёрнулось, словно отмахиваясь от вопроса, который был исчерпан. — Ваша очередь отвечать.

Ирлит, немного подумав, кивнула с выражением, полным

сухой солидарности:

— Это изматывает и не так удобно, как кажется.

Господин Террейл ответил не сразу, прежде скосив непроницаемый взгляд лиловых глаз и медленно моргнув, будто давая Ирлит время исправиться. Но, увы, ответа лучше она придумать бы не смогла в любом случае.

Зрачки посла неспешно переместились обратно вперёд, и он тихо, с какой-то странной усмешкой произнёс:

— ...Кажется, я понял, что имела в виду Софа.

О чём он говорил, Ирлит было устойчиво невдомёк, и потому она сосредоточилась на поисках пролеска, куда можно было бы отпустить Эмируна, пока они будут в деревне. Кладбищенский холм неподалёку как раз подходил. Кости её псу никогда не были интересны, а местные, если увидят его на кладбище, вероятно, не удивятся. Примут за очень осязаемого Грима и просто уйдут.

Лучше, чем тащить его в деревенские конюшни, где он благонаравно не сожрёт, но точно понадкусывает каждую лошадь за окорок. У Ирлит нет денег снова выплачивать компенсацию.

Именно это она и пояснила послу, спешившись у ворот и набрасывая на плечи седельные сумки. Террейл тактично промолчал, ступая за каменную арку деревенских ворот.

К вечеру Ирлит слегка покачивающейся походкой, чистая и отмытая от вони костяного клея, спускалась по лестнице на первый этаж таверны «Пряный пост». Свежая, постиран-

ная с мылом сутана приятно холодила распаренную кожу, а в нос ударял запах перчёной и ароматной от обилия трав копчёной рыбы. Желудок свело от внезапно осознанного голода, и тот в отместку послал к горлу приступ тошноты. Ирлит слегка подкосилась, опершись на перила и заодно вглядываясь в полупустой зал. Господина посла нигде не было.

Её растерянный взгляд был замечен молоденькой разносчицей в накрахмаленной косынке, и та с легким суеверным трепетом указала Ирлит на проход в дальнем углу, скрытый за гобеленовым покрывалом.

Ловчая вежливо кивнула и наконец спустилась с лестницы. Пройдя в нужном направлении, она по пути отметила зал, который не успела рассмотреть, когда они только пришли.

Старые столы и лавки из чёрного дуба стояли ровными рядами, полосую скрытый в полутьме зал. Каменные стены пытались завесить тканью и шкурами, и те за годы впитали в себя запах еды и жира. Под потолком, у самых балок, наравне с солярным символом богини Ирины висели, покачиваясь, узлы из зверобоя и рябины, а над входной дверью была накрепко приколочена простая железная пила. Про себя Ирлит сделала вывод, что здесь, видимо, тоже до дрожи боятся фейри. Не мудрено, учитывая, как часто те начали выходить именно к людям.

И почему духов больше привлекает сомнительная и несуразная, грязная человеческая натура, нежели изысканные

эльфские дворы или могучая сила зверолодей-эвклидов? Загадка, над которой весь Тагар бьётся уже очень давно.

Ирлит отогнула полог гобелена, изображающего незамысловатый местный сюжет, иллюстрирующий охоту на зверя. Человеческие глаза — не то волка, не то рыси — пялились на проклятую ловчую с полотна так, что ей, поймав взгляд, пришлось замереть на терцию, чтобы сбросить наваждение. Терновый венец рамкой, вышитый на гобелене по краю, иллюзорно уколол пальцы, и Ирлит наконец зашла за него, попадая в небольшую комнату, всё пространство которой занимал прочный дубовый стол и две резные лавки. В нос пахнуло выпечкой, молоком и приторной сладостью.

Господин Террейл уже ждал, спокойно развалившись на подушках, и одну за другой поглощал ягоды в карамели. При появлении Ирлит он лишь повёл ухом в сторону, словно безгугу звуками одного лишь её дыхания.

— Как я понимаю, вы до сих пор живы лишь потому, что потенциальные убийцы умирают раньше, чем вас дождутся. — Он не поднял на неё взгляд, сосредоточившись на полупрозрачной дольке карамелизированного яблока. — Проходите и садитесь. Вы и без того сильно меня задерживаете.

Она последовала указаниям, проскользнув на лавку напротив.

Стол был завален различной снедью, но, приняхавшись, Ловчая с ужасом осознала, что каждое из блюд было... десертом. Ни мяса, ни даже овощей. Это какая-то шутка?

Посол потянулся за маленькой серебряной ложкой, явно не местной, и, подцепив её когтями, воткнул в мягкую гору чуть золотящихся от виски взбитых сливок. Под сливками показалась россыпь жареной овсянки с крупичами сушёной малины. Кранахан. Наверное, самое дорогое, что можно было бы заказать в подобном месте.

— Быстро, — мягко скомандовал он, кладя ложку в рот и тщательно, не спеша прожёвывая. Ирлит оставалось только гадать, что именно «быстро», пока он с удовольствием смаковал, ни капли не заботясь о том, насколько странно это звучало.

Наконец, облизав ложку в последний раз и опустив её с тихим звоном на глиняное блюдо, он поднял глаза на Ирлит, махнув рыжим хвостом в сторону полога.

— Продиктуйте милой даме за гобеленом, что именно вы будете пить. — Он выделил последнее слово как что-то непременно важное. — Может, хоть бокал чего-нибудь крепкого вас взбодрит. Еду я вам уже заказал. — Он, оглядывая Ирлит лишний раз, еле заметно скривился: — По вам видно, что вы зачастую предпочитаете.

Ирлит застыла. Потом опомнилась и слишком резко мотнула головой.

— А... Нет!... Нет, спасибо. — Она кашлянула в кулак, вызвав у Посла резкое искривление в уголке плотно сжатых губ. — Кх!... Я не пью. Совсем.

Господин Террейл замер, так и не донеся очередную за-

сахаренную ягоду до губ. Отложил её. Сел и выпрямился. Оглядел Ирлит слегка недоуменно, словно она только что сказала редкостную глупость.

— Вы? Не пьёте? Я даже не знаю, объясняет ли мне это всё или лишь больше запутывает... — осторожно начал Посол, растягивая слова и что-то сопоставляя в уме. — Что ж. Предположим. А как же вы проводите ритуалы испития вина у алтаря и подобную религиозную ерунду?

Словосочетание «религиозная ерунда» из его уст звучало настолько гармонично, что Ирлит даже не подумала возмутиться. Просто спокойно пояснила, ковыряя пальцем серебряную колоратку на шее.

— А... Мне по сану не положено. — Она неопределённо повела плечами. — В храме Декарата ритуалами поклонения занимаются лишь жрецы на порядок выше...

Ловчая сглотнула. Видимо, она неправильно вставила пластинку в ворот после стирки, и теперь та слегка сдавливала горло.

Посол с сомнением поджал губы:

— И вы с вашей работой... серьёзно это соблюдаете? Даже когда вдали от монастыря? — Он дождался её кивка и как-то неверяще усмехнулся, отведя взгляд. — Удивительно.

Господин Террейл наклонил голову и почти уважительно заключил:

— Ваша жизнь даже паршивей, чем показалась изначально... — Он хмыкнул, всё же закинул в рот ту ягоду и со

смачным влажным хрустом раскусил. — Значит, как ни при-
скорбно, но разобраться быстро не получится. — Посол за-
кинул локоть на спинку скамьи и со скупающей досадой мах-
нул рукой: — Я право теперь даже не знаю, как вести с вами
нормальный диалог.

Господин потянулся к высокому графину из резного стек-
ла, наклонил его и плеснул в бокал чёрной блестящей жижи.
Ирлит в последний раз с силой дёрнула ворот, и он ослаб,
позволяя ей уточнить без хрипов:

— А в сухую никак?

Посол хмыкнул и стёр подушечкой пальца с края бокала
чёрную каплю:

— Можно. Но нуднее, дольше и, зачастую, сложнее. А по-
тому хотя бы я из нас двоих должен иметь возможность рас-
суждать.

И он наконец отпил глоток. Запах разлился по нише, и
Ирлит уловила его, чётко распознав.

Она сконфуженно скосила глаза на бокал крепкого каго-
ра, пахнувшего черносливом и ежевикой, через весь стол. Но
промолчала.

Даже в теории... Как можно вести допрос на хмельную
голову? Ей искренне не понять подобного подхода... но и
допросы, говоря откровенно, не её компетенция. Она, в виду
профессии, всё же больше по исповедам...

Посол перехватил её взгляд и невозмутимо усмехнулся:

— Основной навык для любого политика — это умение

пить. — Говорил он так, словно объяснял очевидное. — А конкретно — с нужными душами.

Господин Террейл обхватил изящными пальцами бокал и слегка качнул его, заставляя жидкость внутри качаться на манер волн.

Из-за гобелена высунулась тонкая девичья рука, покрытая мозолями, и поставила перед Ирлит восхитительный по аромату брайди, ударивший в нос ароматом лука, мяса и череды, стоило Ирлит надломить корочку. На тарелку вытек блестящий сок, в который она поспешила ткнуть пальцем и тут же сунуть в рот, блаженно обмякая.

Краем глаза она заметила, как Посол слегка скривился, сморщив нос, и поспешил заесть, по всей видимости, неприятный ему запах ложкой крапахана.

Ирлит как бы невзначай уточнила, принимаясь за еду... заранее зная ответ:

— Выходит, я нужная душа?

Корун снисходительно отмахнулся:

— Что за глупости. Нет, конечно. — Он сделал глоток кагора и слизал капли с тонких губ. — Вы же сами сказали, что не пьёте.

А. Ну конечно. И слава Декарату.

Ирлит удержалась от того, чтобы облегчённо фыркнуть. Ещё пьяных разговоров с ним ей только не хватало. Она и так показала себя при первой встрече не самым адекватным человеком. Позориться ещё больше ей бы не хотелось.

Но всё же факт того, что фигура Ирлит в его таинственном деле не так уж важна, грел душу. Значит, отпустят без страстия и выворачивания карманов. Это успокаивает. Ирлит сама не помнит, что у неё в карманах...

Через четверть часа её тарелка была пуста и девственно чиста настолько... насколько, вероятно, не была до того, как на неё положили пирог. Ирлит, сытая и с приятной тяжестью в животе, откинулась на спинку скамьи. Террейл сразу это заметил и степенно приоткрыл один глаз.

— Вижу, я не прогадал с выбором.

Ирлит вяло кивнула.

Посол с непроницаемым лицом, выпрямился, ставя локти на стол и ими же раздвигая в стороны пустые тарелки. Подпёр сложенными ладонями подбородок и чуть понизил тон голоса.

— Прекрасно. Тогда приступим к делу.

Взгляд его, внимательный настолько же, насколько абсолютно пустой, был направлен прямо на неё.

Что ж. Он явно ждёт ответа на уже давно заданный вопрос... Но если так подумать... Как только она выложит всё, что знает об Эстер, Посол, вероятнее всего, вышвырнет её и пошлёт своей дорогой. А то и вовсе сотрёт память. Разумно перед этим хотя бы чисто для себя узнать, как он на неё вышел... Ведь если так просто нашёл Ирлит чужеземный маг, то инквизиции и вовсе ничего не стоит сразу выйти на неё, где бы она ни находилась.

Она втянула ноздрями сухой, душный от свечей на люстре воздух. И решила, примерно предполагая, насколько быстро её могут убить за подобный вопрос:

— Прошу прощения. Перед этим я бы хотела узнать о том, как вы меня нашли и выяснили, куда я направляюсь. — Она поскребла сапогом каменный пол под столом, стараясь не смотреть на посла, но всё же предполагая: — Вы допросили Сиду в деревне?

Господин Террейл криво усмехнулся, видимо, слегка позабавленный тем, как быстро она начала хватать льва за гриву в его же логове.

Он наклонился ближе и прищурился, обнажая клыки в лёгком зевке, прикрытом рукой:

— Каждый раз, когда я смотрю вам прямо в глаза, вы начинаете наглеть. — Произнёс он, растягивая гласные. После посол выразительно клацнул зубами, заставляя Ирлит инстинктивно вжаться в скамью. — Это необычно. Это глупо и... Я это запомню. — По стене за его спиной поползла длинная искривлённая тень, дрожащая в конвульсиях от пламени люстры... А потом всё схлопнулось, и он в тот же миг легко откинулся обратно на подушки, делая рукой манящий жест. — Спрашивайте.

Ирлит с хрипом выпустила задержанное дыхание и пару раз вдохнула, дабы успокоить бьющееся, секирой о плаху, сердце.

— Как вы оказались в храме и почему госпожа Со'Афарэ

так хорошо знала моё местоположение?

Господин отмахнулся:

— Понятия не имею. Эта женщина, как и любая самая вредная старуха на деревне, знает всё и про всех. — Он про-изнёс это с такой фамильярностью, словно обсуждал не коллегу, а нелюбимую тещу. — Возможно, в последнюю вашу встречу она прицепила к вам магического маячка-паразита. Она часто так делает. — Тень, прятаясь в тёмном углу на потолке, слезла вниз по стене и зависла над плечом Ир-лит, словно к чему-то принюхиваясь. Её хозяин продолжал буравить ловчую невозмутимым взглядом.

Ловчая невпечатлénно пожала плечами. Ну. В целом, ожидаемо. Одним паразитом больше, одним меньше. Хорошая новость в том, что её, видимо, пока не объявили в розыск в Тагаре. А то у неё были подозрения. А маячок от политика с другого континента... Ну, в Лакоре же нет Проклятых Ловчих. Может, она сделала это на случай, если им может понадобиться помощь специалиста.

Ирлит подобная версия показалась вполне уместной. Она разумно уточнила:

— И... Госпожа Со'Афарэ сказала вам ждать меня в храме?

Господин Террейл тихо рассмеялся. Бархатно, и абсолютно полностью неискренне.

— Нет. — Отсмеявшись, ласково проворковал он. — Вы пришли туда лишь потому, что это место показалось мне до-

статочно... — Посол неопределённо махнул рукой в воздухе, подбирая слово: — ...колоритным, дабы допросить вас в комфортной обстановке.

Он скрепил руки в замок и уложил их на стол с услужливой улыбкой. Ирлит сначала решила, что ей послышалось, и потому просто растерянно его рассматривала:

— Ком...фортной... ?

Террейл с готовностью кивнул, и кошачьи уши одновременно резво дёрнулись.

— Ну конечно. Вы жрица. Ваша работа — изгонять тьму. — Терпеливо объяснял он, словно Ирлит могла это в какой-то момент забыть. — Где же вам может быть комфортнее, чем в проклятом храме, объятom тьмой? Можете не благодарить, к слову. Я даже потрудился создать для вас дополнительный антураж... Но, кажется, слегка перестарался. — Лицо его тронула некая светская досада, словно от зря потраченных сил. — Вы всё испортили своими попытками меня классифицировать. Это, знаете ли... прискорбно.

Ловчая шмыгнула носом.

Насколько бы странными ни были его выводы... Логика рассуждений посла была неоспорима.

Ирлит уже было хотела по привычке начать извиняться, но...

— Подождите... — Она потерла подбородок. — Вы заранее знали, что я прибуду в храм? Вы всё же выяснили это у Сиды?

Он медленно отвёл взгляд к гобелену. За ним послышались отдалённые звуки. В трактир ввалилась толпа. Мужчин, судя по голосам. Уже не трезвых, судя по выражениям. Смерд алкоголя и компоста дошёл до носа. Ирлит просто протянула руку и прикрыла полог со своей стороны.

Посол простучал острыми когтями по лакированному дереву. От звука той дроби тень на стене задрожала и юркнула за край гобелена, наружу.

— Не совсем. — Начал он аккуратно. — Как бы так сказать... Я пришёл в деревню, пока вы шатались по лесу и ели, аки кролик, траву прямо с куста.

В главном зале послышался визг разносчицы и противный грубый смех. Хвост посла опустился под стол и там начал мерно отбивать набат об ножку стола, задевая мехом колено Ирлит. Она поёжилась.

Господин Террейл продолжил рассказ:

— Старик оказался не слишком дружелюбен и не шибко разговорчив. Благо у меня, как у политика, есть подходящие для таких разговоров... методы.

Он снова остановился, так как крики девушки продолжались. Судя по всему, она звала на помощь хозяина таверны. В ответ был слышен всё тот же мерзкий хохот на разные голоса.

Ирлит, не выдержав, привстала. Меча с собой не было, как и подвесок. Но на крайний случай она может сбегать за ними в комнату...

Она грубо схватила край гобелена, как тут на неё сверху упало давление такой силы, что она не смогла сопротивляться и, беспомощно скрипя зубами, осела обратно на скамью.

Ирлит с трудом повернула голову к Террейлу.

Посол смерил её бесстрастным взглядом, поднял руку и достаточно громко щёлкнул пальцами. Хохот в зале оборвался на полуслове, сменившись неестественной тишиной. Потом два удара. Первый — глухой и с характерным хрустом, второй — влажный, с таким звуком, молоток для отбивания мяса встречается со свежим мясом. Визг достиг своего апогея и стих, сменившись испуганной сиплой отдышкой и спешными шагами женских ног, удаляющихся в сторону кухни. Никто из пришедших больше не говорил. Более того. Было слышно, как отодвигаются лавки, как тяжёлые сапоги сбито и спотыкаясь стучат по каменному полу, как тяжело и с подвыванием дышат их владельцы. И как закрывается с грохотом входная дверь.

Ирлит всё это время смотрела на посла, который даже не шелохнулся, пока нечто происходило за гобеленом. Ловчая скосила взгляд на щель. Там был виден лишь кусок стены с огромным пятном крови и чья-то безжизненная туша у его подножья. С балки над входной дверью с режущим уши звоном упала железная пила.

Тень, занимающая половину каменной стены, качнулась и стекла на пол, по-змеиному ползя к хозяину. Дождавшись, пока тень исчезнет под столом, Господин Террейл, не меняя

тона... возобновил повествование:

— Когда владеешь обширной информацией, не сложно было сложить два и два и понять, что там в этом походе за Граалем было к чему. А дальше — лишь немного нажать. Ну и я слегка... — Его подбородок лёг на сложенные «домиком» пальцы. — ...надоумил его... послать вас искупать его грешки прошлого.

...

У Ирлит не нашлось слов. Значит, её пасли, а точнее загоняли в загон, даже раньше, чем она думала...

— То есть вы...

— Да. — Посол не дал ей договорить, снисходительно улыбнувшись. — Ну-у, Ваше Преподобие, — насмешливо растягивал слова он. — Думайте головой. Разве хитрый старикашка решил бы, что после того, как вы выжили при встрече с морским демоном, вы не одолели бы хилого рыцаря из храма? Конечно нет. Зачем ему посылать вас рыскать в его шкафу со скелетами? И нет, — Посол мягко осадил её, как только она открыла рот, чтобы оправдаться. — В нём не выиграла бы совесть. Мои тени порылись в нём, когда он откинул копыта после вашего отъезда, и должен признать: даже они побрезговали.

Господин Террейл, что-то вспомнив, фыркнул и замолчал, а его хвост с силой врезался в дерево скамьи.

Ирлит поджала губы так, что из-под запёкшейся корки в рот снова хлынула кровь:

— Откинул копыта... вы убили его?

Посол спокойно кивнул:

— Само собой. Он же меня видел.

Ирлит прикрыла глаза:

— ... Ясно.

В груди разлилось волной покалывающее чувство. Удовлетворение. Значит, не придётся возвращаться и лишний раз марать руки.

Посол, явно приметивший реакцию Ирлит, судя по звуку, малость удивлённой усмешки, никак её не прокомментировал. Вместо этого он щёлкнул пальцами, заставляя Ловчую открыть глаза.

— Ваши вопросы кончились? — Любезно уточнил он, подразумевая лишь один ответ. — Я могу законно начать задавать свои? А то я порядком подзабыл, кто из нас кого допрашивает.

Ирлит кивнула. Чем быстрее всё это закончится, тем лучше... Лишь бы это не закончилось так же. Она сглотнула, краем глаза наблюдая, как полноватый мужчина, хозяин трактира, испуганно оглядываясь, волочет безжизненное тело к выходу.

— Мы с Эстер работали в одном клире. — Начала она, морщась от металлического запаха крови, навязанного попытками трактирщика вытащить труп за дверь. — Я, она и ещё один ловчий. Мы собирали деньги на дорогу в Княжество Ралозт. Эстер говорила, что у её отца в Ривьере Белого

Клина есть родственники. Она хотела их найти.

Ирлит опустила взгляд на свои сложенные на коленях руки. Белые, мелкие, покрытые сетью мелких шрамов. Она с силой нажала ногтем на один из них. Тошнота и противный зуд внутри костей чуть отступили.

Господин Террейл слегка поднял брови:

— Она полуэльфийка? Светлая? Какая вопиющая... — Он прикусил губу. — ...редкость.

— Да. — Голос Ирлит звучал внутри черепной коробки гулко и хрипло, будто чужой. — Эстер рассказывала, что отец был ремесленником и познакомился с её матерью, когда она заказывала у него какое-то оборудование для аптеки.

— Очень романтично. — Бросил Посол дежурно. — Зачем она искала родственников по отцу?

Ирлит замолкла. Зачем... Хороший вопрос. Она снова надавила кожу подрезанным под корень ногтем. Провела, оставляя белую вмятину. Глухо объяснила:

— ... Мы хотели переждать первую волну охоты.

Корун еле заметно встрепенулся:

— На ведьм? Проклятых Ловчих тоже отлавливают?

Ирлит наклонила голову к плечу, почесывая ухо:

— В отдалённых от столицы районах. В Таладэре, наоборот, говорят, нам содействовать, так как мы служим Декарату в первую очередь как пособнику Ирины, а не как демону. Но... — Она сухо хмыкнула. — До дальних городов эти указы зачастую не доходят. Во всех смыслах.

Террейл понимающе сузил глаза, почёсывая подбородок:
— И вы хотели сбежать в Йо'Анну, чтобы вас не коснулся людской самосуд? Тем более среди вас была полуэльфийка, которой сразу бы отрезали уши... — Он одобрительно фыркнул. — Разумно. Сразу видно, что это придумали не вы.

Ирлит молча взглянула на него из-под устало, через силу приоткрытых век. Ну, тут спорить бесполезно:

— ... Да. Так вот. Чтобы добрать остаток суммы, мы взяли заказ... Очень... очень дорогой заказ. — Слово хрустит на зубах туманом и каменной крошкой, но она всё равно его произносит: — Вы слышали что-нибудь о Тосеадоре?

Террейл задумался, припоминая:

— Хм. Город Водолеи? Проклятый каменный город у подножия водопада? — Он как-то меланхолично поднял взгляд к люстре. — Да-а... Эта история вошла в легенды. Баллады о скульпторе, замуровавшем свою возлюбленную в самое величайшее своё творение. Мм... — Протянул он, и сначала Ирлит решила, что это от одобрения, но через терцию он с презрением выплюнул: — Очень вульгарно. Но должен признать, по-своему цепляет. Так и что? Я слышал, статуя была полностью разрушена несколько лет назад. Толку теперь...

Ирлит перебила его. Впервые за всю встречу. Перебила:

— Проклятье с города было снято. Они получили плату и уехали. Я... — Запал кончился, и ловчая понизила тон голоса, ссутулив плечи ещё сильнее. — ... я осталась.

Ирлит показалось, что он опешил от того, с какой наглостью она оборвала его, но...

— Вы... — Прошептал он искренне. Это можно было судить по тому, как резко голос растерял бархатистость. — Вы были теми, кто снял проклятье с города?... Вы надо мной шутите?... — Его впервые раскрытые полностью глаза упёрлись в не изменившееся ни на миг лицо Ирлит, и он хохотнул, судорожно закинув назад длинные пряди бордовых волос, упавших на лицо. — Надо же... Ладно. Тут должен признать, вы действительно меня удивили. Это... это, вероятно, говорит о том, что Эстер действительно очень сильный маг. Как и второй ваш спутник. Иначе я это объяснить не могу.

Ирлит прикусила язык, чтобы не ляпнуть лишнего. Как бы не хотелось, но возражать сил не было. Этот разговор слишком сильно её вымотал. Когда она в последний раз так долго говорила с кем-то живым? Года два назад, где-то...

Корун тем временем не намерен был давать ей передышку и с новым пылом наклонился ближе к ней, судя по глазам, готовый засыпать вопросами:

— Вы сказали, что вы остались. Почему? Вам принципиально не нравится везде, где тепло и светло?

Щека Ирлит неконтролируемо дёрнулась. Может, её прямо здесь и сейчас одолеет апоплексия и этот ад наконец закончится?

— Я была ранена. Сильно. На восстановление ушёл месяц. Они не могли ждать и уехали.

— Говоря кратко, вас бросили. — Кратко заключил Посол.

Ирлит не стала отрицать.

— Да.

— И больше вы с ними не связывались, как и они с вами?

— Да.

Господин Террейл с театральным вздохом упал на подушки, закинул ноги на скамью и накрутил конец рыжего хвоста на палец:

— Хм. Что ж. Я потратил на вас такую уйму времени, а получил в итоге гору вопросов и слезливую историю о разумном прагматизме всех, кроме вас. — Он приподнял подбородок. — Я разочарован. Крайне.

Ирлит повернула корпус в сторону выхода. Раз так, то чем скорее он прогонит её, тем ему же лучше. Сможет наконец заняться нормальной работой, а не уродованием местных трактиров акцентными пятнами на стенах... Ирлит подвинулась к гобелену. Исцарапанную руку неприятно защипало, как только её коснулся прохладный свежий воздух. Белые царапины уже налились красным и теперь покрывали внешнюю сторону ладони на манер кожной болячки.

— Ну расскажите мне хотя бы об основных её силах и способностях. Опишите характер и убеждения. — Донеслось ей в спину отрешённое. Ирлит со вздохом повернулась обратно. Посол скрестил руки на груди. — Может, хоть так от вас будет польза. Мне же надо знать, что за женщина умудрилась

пролезть в фаворитки к Присветлому Канцлеру Йо'Анны...

Последние слова он произнёс тихо и себе под нос. Словно и не для Ирлит вовсе... Но она услышала. Услышала и самое страшное... поняла.

— Ч... что... в... Фаворитки...

Она сорвалась со скамьи, вылетая из ниши и снося на пролом гобелен. Тот с грохотом и треском ткани сорвался с петель и упал на каменный пол, поднимая облако пыли. Ирлит споткнулась об него и повалилась, отчаянно зажимая руками уши.

— Нет! Нет, не говорите! Замолчите, пожалуйста, умоляю вас!

Она дышала хрипло и быстро, стараясь звуками собственного дыхания перекрыть его следующие слова, но было поздно.

— Да ладно вам. — Террейл, недоумённый её истерикой, выглянул из ниши. — В жизни не поверю, что вам так не хочется разочаровываться в безгрешном образе подруги, которая сначала очень умело бросила вас, а потом и свою безусловно прекрасную профессию...

...

Всё.

Последние слова стали добивающими, и Ирлит завывала, чувствуя, как адски начало жечь шею.

Она заскребла ногтями по серебру... пытаюсь... надеюсь отцепить его в последний момент.

Удалось лишь только сорвать ткань с колоратки, прежде чем холодное серебро коснулось кожи.

Вой сменился хрипом.

Съеденный пирог вернулся к горлу и сдерживался лишь тем, что Ирлит вовремя заткнула рот и с дикой, дробящей голову болью сглотнула рвоту обратно. Кислый привкус смешался со вкусом крови от прикушенного языка.

Посол, видимо, наконец поняв, что она явно не драматизирует, встал и резко повернул её на бок лёгким тычком сапога. Последнее, что увидела Ирлит, это его наклоненное к ней бледное лицо и завесу из багровых волос. А потом разум поглотила тьма...

...

Когда Ирлит открыла глаза в следующий раз, она уже лежала на мягкой постели, бесцельно пялясь в покрытый паутиной грязный деревянный потолок. В щели между досок был виден следующий этаж, и когда наверху кто-то прошёл, часть пыли медленно осела Ирлит на лицо.

Хорошо, что здесь вода. Возможно, она даже успеет умыться.

Ирлит подняла затекшую руку и коснулась шеи. Вместо мягкой, тонкой плоти подушечки пальцев наткнулись на се-

ребро. Уже не такое гладкое, как раньше. Ирлит ощупала его потщательней.

Резьба. Руны, судя по всему. Вязь узоров, идущая по всему кольцу металлической колоратки.

Она приподняла голову и огляделась. Одежда. Но не сутан. Что-то местное. Белая рубаха и... Она приподняла одеяло. И штаны. Неплохо.

Она не дала этой штуке приклеиться к себе вместе с одеждой. Уже что-то...

— Мне долго ждать, пока вы себя полностью ощупаете?

Низкий и уставший голос уже по обыкновению своему прервал её раздумья.

Господин Террейл сидел у её кровати на стуле, закинув ногу на ногу.

— Вы бы хоть сказали, чтобы я сначала вышел.

Брезгливо дёрнув уголками губ, проворчал он и опустил ноги со стула, разведя колени. Затем резко наклонился вперёд, с силой водрузив на них локти:

— Я слушаю. Объясняйте. И не увиливайте. Мне надо знать, что за чертовщина с вами произошла.

Ирлит раздражённо вздохнула и медленно села на кровать, спустив с неё ноги.

— «Круговая порука», — хрипло произнесла она, смотря ему прямо в глаза. — «Ибо на то воля Владыки Бессмертных Скверн, покинувшего пастбище мирское и наказавшего агнцам самим пасти друг друга, спасая от греха во смерти».

Террейл выслушал, понимающе кивнул и положил нос на сцепленные в замок пальцы.

— Ага. А если по нормальному?

Ирлит цокнула языком и закатила глаза.

— Жрецы Декарата не могут по заветам вмешиваться в политику, бросать служение или нарушать закон безбрачия. — Ловчая наклонилась, копируя позу посла. — За это следует наказание. И привести его в силу должен первый из жрецов... кто об этом узнает.

Она ткнула пальцем в колоратку.

— И «это», — она грубо выплюнула слова ему в лицо, — знак того, что теперь я «пастырь»... Ровно до того момента, пока я не лишу жизни Эстер Антей. — она позволила тишине зависнуть в воздухе на терцию и продвинувшись близко-близко к лицу Террейла и низко прошептала — Вы выпустили из мешка очень... очень плохого кота, Господин Террейл. Который вероятно меня погубит.

...

Солнце падало в открытые ставни, кроя на части пыльный деревянный пол. Пасмурная погода была неожиданно смещена выглянувшим из-за облаков голубым небом.

Овощное рагу пахло восхитительно и имело какой-то неповторимый вкус, даже несмотря на то, что с непривычки

не лезло в слегка сжатое горло.

Ирлит была голодна.

С их разговора за гобеленом прошла ночь, как выяснилось позже. К обеду Господин Террейл велел принести ей еду прямо в комнату, а сам тем временем урегулировал вопросы с трактирщиком.

К счастью, мужчина забыл обо всём, услышав стук семи круглых печатей о дерево столешницы. Забыл и о случайном загадочном самоубийстве одного из посетителей, и о разрушениях, учинённых спутницей посла, и о том, кто он в принципе такой и как выглядит. Удобно. И прискорбно. Одну такую печать из лилового хрусталя вполне можно было принести в качестве подарка на день рождения к сыну барона. Так что приобрёл трактирщик в любом случае куда больше, чем потерял.

Маринованная в пиве телятина тем временем таяла во рту вместе с разваренной морковью и перьями лука. Бульон подостыл и теперь казался слегка пересоленным, но это его не портило. Ирлит доела, слизав остатки с края глиняной тарелки, и вдохнула облако ароматного пара в холодный воздух комнаты.

Надо потихоньку собирать вещи.

Дверь за её спиной открылась, и, судя по шороху шёлковой одежды, но отсутствию звука шагов, внутрь вошёл именно Господин Террейл.

Ирлит не стала поворачиваться, довольно облизывая губы от укропа и бульона.

— Это отвратительно выглядит, но я был к этому морально готов. Какое счастье. — пренебрежительно прокомментировал Посол и прошёл вглубь комнаты, опершись на подоконник. — Продолжим наш диалог.

Он сложил руки на груди и подождал, пока Ирлит отставит тарелку на сундук. Ловчая в очередной раз отметила, что смотрел он совсем не на её лицо, а чуть ниже. Там, где коло-ратка рунным клеймом крепко сомкнулась на белой шее. Он рассматривал её не отрываясь, так словно что-то вспоминал или видел вовсе не кусок серебра, а что-то невероятно значительное. Долго, с каким-то хищным, неприятным вниманием препарируя пролегающие под металлом артерии сна.

— Я правильно понял? Ваш демонический «папочка-божок» настолько вас любит, что ввёл смертную казнь за то... что вы не казните друг друга? — он говорил вкрадчиво, без

лишнего удивления раскладывая по полкам то, что Ирлит успела объяснить. — Значит, если вы не убьёте Госпожу Антей за ближайшие полгода, ошейник вас задушит? Декарат явно умеет развлекаться...

Он почти уважительно присвистнул, поворачивая голову к окну и смотря куда-то во двор, где уже кипела полноценная дневная жизнь. Ирлит, услышав петушиный крик, философски задумалась о курином бульоне...

— Да. И для меня это приговор. — подперев подбородок ладонью, уточнила Ловчая. — Я мало того что не знаю, где именно находится Эстер, так ещё и чисто физически не смогу убить её.

Господин Террейл с каким-то брезгливым подозрением скривился и выгнул бровь:

— Совесть?

Ирлит не смогла сдержать хриплый смешок, больше похожий на приступ чахотки, и поправила посла с обречённой улыбкой:

— Нemoщь.

Он благосклонно кивнул, возвращая лицу нейтральное выражение:

— Радует, что так.

Ирлит заметила, что Господина Террейла в целом радуют только очень странные вещи. Она опустила взгляд на свои сапоги, разглядывая мысы. Тёмно-коричневая воловья кожа посветлела, припорошенная пылью, и Ловчая нагнулась, прочерчивая пальцем тёмную дорожку.

И почему Господин не уходит?... Может, он ждёт денег за ужин и комнату?

Ирлит, хрустя спиной, встала и потянулась к одежде на стуле. В подсумках кошелёк, в котором должно вполне хватить на оплату.

Посол, немного помолчав, резко хлопнул в ладони, из-за чего по спине Ирлит сразу прошёл озноб. Взгляд Господина Террелл чувствовался спиной почти осязаемо.

— Ну, зато теперь у меня есть самое последовательное предложение из возможных. — судя по шорохам, он сменил позу. — Раз уж вам в любом случае теперь нужно в Йоанну, а мне нужно вытянуть из вас как можно больше информации

об Эстер Антей, то...

Ирлит замерла, сжав в руках подсумок так сильно, что затрещала ткань. Плохое предчувствие подкралось к груди с резкой болью где-то под рёбрами. Она шумно втянула воздух.

Посол неумолимо заканчивал предложение:

— ...почему бы вам не поехать со мной?

Ирлит медленно обернулась, чтобы убедиться в том, что он шутит, но... не убедилась...

Террейл пожал плечами и вынул из кармана резную флягу. Длинные пальцы обыденным движением открутили крышку, и нос Ловчей защекотал знакомый запах кагора.

Хлебнув с горла фляги, Посол задумчиво повертел её в руках, вслух прикидывая:

— Правда, сначала мы завалимся в Орай. Нам надо сообщить остальному парламенту планы на будущую кампанию по остановке войны. — видя, как Ирлит поморщилась от такой драматизации, он жестом руки остановил её возможные возражения. — Которая точно случится, если мы не уберём

Антей с игрового поля.

Ловчая наконец отстегнула трясущимися руками кошель и прошаркала обратно к кровати. Села, заставив её натужно скрипнуть. Монеты приятно шуршали под тонкой кожей, подавая слабую надежду на свободу... Сейчас. Вот сейчас она отсчитает, сколько нужно, и быстро уйдёт. Куда-нибудь подальше...

— С вами... Я не могу... это тоже будет считаться политикой и... — говорить получалось плохо из-за учащённого дыхания.

Пальцы Ловчей враз заледенели и отказывались слушаться, пока она развязывала тугой узел шнурков. Когда он наконец поддался, Ирлит скользнула рукой внутрь, перебирая серебро. Несколько монет, просочившись сквозь пальцы, с жалобным звоном упало на деревянный пол.

Господин Террейл, какое-то время молча наблюдавший за её потугами, оттолкнулся от подоконника и подошёл ближе. Ирлит было подумала, что он снова начнёт говорить сверху вниз, нависая над её сгорбленной фигурой. Но он сделал неожиданное.

Подойдя вплотную, он резко уселся на корточки, раздвигая

нув колени и кладя на них локти. Они оказались на одном уровне, и он чуть устало заглянул Ирлит в глаза:

— Вы сами в это верите? — он протянул руку, и упавшие монеты, подхваченные тенью из-под кровати, сами скользнули ему в ладонь. — Не думаю. — он повертел между ногтей гербованные карты и со вздохом вложил их в руку Ирлит. — Ваше преподобие, вас здесь вместо платы за спасение грозятся сжечь на костре. Вас гонят и унижают. Уехав, вы ничего не потеряете. — он легко встал, отряхивая руки и сцепляя их за спиной. — Да и вы пытаетесь выполнить волю Декарата. Думаю, одну-другую оплошность он может вам простить.

Как и почти все слова Посла, сказанное им звучало разумно. Сколько ещё Ирлит сможет прожить при охоте на ведьм и агрессии на Тагар с эльфийской стороны? Стоит ей хоть чуть расслабиться – не успеют пройти отведённые полгода, как её труп будет бездыханно болтаться в какой-нибудь канаве или на висельном столбе. Ехать одной в Йо'Анну? Можно. В случае если она решит закончить всё досрочно и безболезненно. Ей в этом с радостью помогут эльфийские стрелы на границе... Говоря иначе... выбор не велик. Завершение всё равно будет одно. А так она хоть мир перед смертью повидает. Уже хорошо.

Ирлит движением руки зачесала назад упавшие на лоб русые пряди:

— Я... подума...

— Отлично. — не дал ей договорить Господин Террейл и широкими шагами направился к выходу. — Собирайте вещи. Завтра на рассвете мы выдвигаемся в Лакору. — уже скрываясь в проёме, он на терцию остановился. Рыжий хвост качнулся, цепляя край двери, и прикрыл её без особого труда. — И... найдите своего пса заранее. Мне бы не хотелось тратить время на поиски этого демонического отродья рано утром в чьём-нибудь коровнике.

И вновь стало тихо.

Кладбище на холме было чуть древнее, чем поначалу предположила Ирлит. Старые вырезанные из камня надгробия и куски колонн торчали из земли словно наросты из шкуры больного зверя.

Новые могилы нагромодились у самого входа и, к счастью, были не разрыты. Ирлит не хотелось бы потом убирать последствия трапезы Эмируна, а уж тем более пытаться отмыть его череп от гнили.

Влажный воздух волновал манящим запахом мокрой земли и вереска. Маленькая, чисто символическая часовня на краю погоста загораживала вид на деревню с холма.

Ловчая несколько раз позвала Эмируна, но тот, как и повелось, не откликался. Даже если прекрасно слышал. Тем более если прекрасно слышал.

Оставалось лишь приманить.

Ирлит скинула с плеча седельные сумки и бросила их в редкую траву у безымянной могилы. Присела низко, так, что коленей коснулись влажные молочно-белые колокольчики эрики, и зашуршала тканью карманов.

Ловчая выудила жалкие остатки вяленого мяса и принялась, чтобы проверить, достаточно ли от них пахнет. Нет. Не достаточно. Несмотря на то что горячий на языке вкус дыма всё же до неё дошёл, Ирлит быстро сообразила, что это было не от приманки... А через мгновение вместе с запахом пришёл и звук. Тоненький, но очень знакомый писк. Кошачий. И детский неприятный смех.

Ирлит сунула мясо в карман и испуганно осмотрелась. Из-за часовни ровным столбом начал подниматься сизый дым, и Ловчая быстрым шагом направилась к нему. По ме-

ре приближения стало понятно, что пищала не одна кошка, а несколько. За угол Ирлит буквально вылетела, тут же наскочившись на картину, заставившую сердце провалиться в пятки.

За углом часовни на каменной плите фривольно располагалась кучка местной деревенской ребятни, одетых хоть и не в слишком чистую, но приличную одежду. Один из них, лопоухий, долговязый и с лицом, усыпанным счесанными бордовыми угрями, держал над разгорающимся костром маленький чёрный пищаний комок. Другой мальчишка, помладше, с воинским запалом раздувал под отчаянно трясущимися лапками огонь. Остальные двое просто поторапливали, смотря со стороны.

Ирлит они заметили, стоило ей сделать два широких угрожающих шага к костру, из-за чего все разом притихли.

Не долго думая, она схватила за шкурку одного из мучителей.

Парнишка завопил, возмущённо барахтаясь и покрывая Ирлит такими словами, которых она не слышала в свой адрес уже давно. А это в каком-то роде было достижением... Он даже попытался замахнуться на неё рукой, выпуская из сжатых пальцев котёнка.

Ирлит тут же отбросила мальчишку в сторону, и пока тот летел на землю, подхватила животное в дюйме от костра. Поднесла к лицу и стряхнула с облезлого хвостика искры огня.

— Ты что творишь! В-в-ведьма! — блял прыщавый, потирая ушибленный бок.

На вид ему было лет тринадцать, и по-хорошему он уже давно должен был работать, а не заниматься всякой дурью, как сейчас. От него удушливо пахло потом и чем-то зловонно-кислым.

Ловчая размазала сапогом остатки костра по мокрой земле, намеренно раскидывая угли так, чтобы дети шарахнулись в стороны.

— Это я у вас должна спросить. — цедя хриплые слова, уточнила Ирлит. — Вас что, родители дома не кормят?

Котик пищал и дрожал, из-за чего Ловчая быстро сунула его под плащ, придерживая рукой.

— Да мы не жрать! — откликнулся тот, что раздувал костёр.

— Д-да! Мы их сожжём! Он-ни же эти... духи ведьмовские! Вот!

Голоса прорезались и у тех, что сидели поодаль. Они спрятались за плиту, так что видны были только растрёпанные сальные волосы и покрасневшие от дыма глаза. Несмотря на это, гонору у них было много.

Ирлит хотела было приподнять завозившегося под плащом кота, как вдруг ей под колено прилетел чёткий, хоть и не сильный пинок.

— А ну отдай тварь, ведьма! Ей, как и таким как ты, самое место на костре! — блеющий голосок прыщавого раздался где-то внизу, и Ловчая опустила глаза, встречаясь с озлобленным взглядом мелких глазёнок.

У Ирлит слегка подкосилась нога, но она чудом сохранила равновесие и, выпрямляясь, отпихнула парня подальше от себя.

— И давно вы этими казнями занимаетесь? — она чуть приоткрыла полы плаща, чтобы котёнок не задохнулся, но непослушная ткань вдобавок обнажила гарду меча. Те, кто ещё пытались что-то возразить, быстро утомонились.

Все, кроме одного.

— Нет! Но будем! — прыщавый вскочил на ноги и тонкими жилистыми руками смахнул со штанин пепел — У кошки тавернщика все котята чёрными тварями уродились! Ясно же, что происки демонские!

Он разъярённо дышал, выпячивая грудь и раздувая ноздри на манер быка. Но, увы, получалась лишь испуганная, вытянувшая шею и распушившая перья выпь. В другой ситуации Ловчая бы посмеялась, но сейчас была зла настолько, что было не до смеха...

Один из лохматых посильнее высунул голову из-за камня и тоненьким голоском, дребезжащим как старый хрусталь в сундуке, произнёс:

— А р-раз к-кардинал новый, казни к-кошачьи отменил из-за этой, как её, эпя... эпидре...

— Эпидемии. — быстро поправила Ирлит, морщась от режущих уши попыток мальчишки произнести заморское слово. Выгнула бровь, стараясь не обращать внимания на прыщавого, который с откровенно комичным видом пытался выглядеть устрашающе. — Ну и? Вам законы Святой Ирины не писаны?

Мальчишка, раздувавший костёр, прикусил тонкие губы и забегал глазами по трещинам на могильной плите:

— Т-так если их больше хра-храмовники не сжигают, то кто, если не мы? — было заметно, что фразу эту он повторял за кем-то другим. — Т-только мы и можем!

Ирлит махнула на него рукой и прислушалась. Эти маленькие живодёры сказали, что у кошки родились именно *котята*:

— Остальные где? — она хрипло гаркнула на них, прищурившись.

— Не скажем! Забирай этого и вали! Тебе одного при-служника поди хватит! — прыщавый нагнулся, чтобы подобрать с земли камень, и с силой швырнул в Ирлит. — А после я отцу скажу, а он охотникам доложит! И вас обоих вниз головой подпалят...

Она даже не стала уклоняться, смотря в испещрённое мелкими кровавыми карьерами лицо:

— Котят отдайте. Быстро.

Видя, как камень просто ударился о плащ и скатился вниз, парень с досадой зашипел и дерзко вскинул взгляд:

— А не то что? Что ты сделаешь, а? — видимо, смело-сти бросить камень в лицо у него не хватило, и потому он бессильно сжал кулаки и скалился, обнажая кривые жёлтые зубы. — Попробуй только..... и на ты вся деревня с вилами сбежится! Насадят т-твою тушу и...

Ирлит замерла. А действительно. Что она может сделать? Избить детей, которые слабее её, и тем самым не слишком от них отличиться? Просто напугать? Тогда они действительно расскажут родителям, и вся деревня сбежится вершить самосуд. И даже если ей удастся сбежать, то потом её подадут в розыск по всей стране... Ловчая замерла на той мысли. По лицу расплзлась медленная озарённая улыбка. По всей стране... которую она сегодня навсегда покинет. А потом умрёт в течение полугода. И какая тогда разница, станет ли она «Великой преступницей всея Тагара» или же нет? Она было сделала шаг и наклонилась к противному мальчишке. Рука потянулась к тонкой резной подвеске в виде медведя, но стоило ей перевести взгляд за спины ребят, к углу часовни, как она тут же её опустила.

Уши грел знакомый нарастающий рокот, и Ирлит честно ответила, прикрыв глаза от играющей на губах улыбки:

— Сейчас? Я ничего не буду делать. И этого будет достаточно, чтобы вы начали молить о прощении.

Парень пару раз хлопнул глазами, и лицо его съёжилось, готовое выплюнуть новую порцию яда. Но его остановило испуганное верещание одного из товарищей.

— Ч-что?

Прыщавый резко обернулся и окаменел на месте, видя, как из-за поворота на полусогнутых лапах шёл покрытый чёрным мехом исполинский зверь. Из белой пасти на землю стекала, на манер слюны, вязкая струйка чёрного дыма, рассеивающегося у самой земли. Зверь прижал уши, сверля собравшихся пустыми провалами в черепе. Рокот рычания расходился по земле, тревожа низкие кусты терновника.

Ирлит хмыкнула. Видимо, Эмируну всё же стало любопытно от шума, заполонившего доселе тихое кладбище. Ну или же он просто проголодался.

— Ну так? — мягко уточнила Ловчая. — Мне помешать ему пооткусывать вам головы... или всё же «валить»?

Она даже театрально повернулась, готовая уйти, но за-

стывшие от страха дети быстро отмерли и бросились к ней. Тот, что упрямо молчал весь разговор, выхватил из-под дальнего надгробия мешок и дрожащей рукой передал его по кругу. Так он дошёл и до старшего, уже порядком растерявшего все остатки смелости.

— Ладно-ладно, вот... — шёпотом пропищал он, захлёбываясь в собственных словах. — Вот они! Бери и сделай что-нибудь с этим!

Ей в руки буквально пихнули лёгкий холщовый мешок, из которого раздавалось тихое жалобное повизгивание. Ткань ходила ходуном, натягиваясь на копошащихся внутри тельцах.

— Сделаю. — честно пообещала она, но, стоило мальчишкам податься в бега, перегородила им дорогу. — Но только если вы поклянётесь, что больше в жизни не тронете ни одну кошку и не причините ей вред. Иначе я позволю этому... — она указала на Эмируна, который, заметив мешок, заинтересованно прибавил ходу. — ... спуститься в деревню.

Мальчишки разом съёжились и, чуть помявшись, активно затрясли головами с тихими клятвами. Старший раздосадованно сплюнул себе под ноги, зло сверля глазами мешок:

— Да всё-всё... клянёмся! Больная...

Ирлит больше на них не смотрела, медленно двигаясь в сторону пса.

— Идите.

Дети сорвались с места на всех порах, припустив с холма. Кто-то даже споткнулся, кубарем летя вниз со сдавленным сипением. Эмирун тем временем бодрой походкой прискакал к Ирлит и потянулся носом к пищащему мешку.

— Ты что, дурак, что ли? — она приподняла котят так, чтобы пёс просто щёлкнул зубами в воздухе. — Это не закуска. Убери морду, чудище ты ненасытное.

И она толкнула костяной нос, вызывая у пса ворчливое обиженное сопение.

...

Тёплый воздух трактирной комнаты согревал замёрзшие пальцы на ногах, а мерное копошение на груди разливалось теплом по всему телу. Трое чёрных как угольки котят, уже отмытые, вылеченные и накормленные, с ленивым интересом исследовали два обтянутых сутаной холма. Иногда они

спотыкались и плюхались к Ирлит прямо на лицо. Но её это только радовало. Руки в перчатках осторожно гладили пушистые бочка, сажая их обратно на живот. Скоро малышам пора будет ложиться спать.

Надо будет собрать для них побольше лекарств, откормить и привести их в божеский вид. Насколько она знает, в Лакоре, густо населённой эвклидами, к животным относятся куда более трепетно. И там можно было бы пристроить котят в добрые руки. Ирлит даже доплатит за это, если понадобится. А сейчас...

— Я даже не знаю, как это комментировать. — Господин Террейл, вошедший в комнату относительно недавно, всё это время стоял и рассматривал развалившуюся на кровати Ирлит. — Когда я говорил «собрать вещи», я имел в виду «свои вещи». Я не просил вас грабить местных на предмет всякой живности.

Он отреагировал куда спокойнее, чем ожидала Ловчая, и потому та, обнаглев, даже не двинулась с места.

— Вы бы хоть что-то полезное забрали. Козу, там, например. На кой чёрт вам «они». — Посол обескураженно указал пальцем на котят и даже чуть наклонил голову, рассматривая, как они пытаются спрятать головы под мощцету.

— Их хотели сжечь. — коротко пояснила Ирлит. — За то, что они родились чёрными.

— А. Значит, у вас нечто вроде солидарности по... цветовому признаку. — подвёл итог Господин Террейл и задумчиво поскрёб ногтем дерево сундука, на который опирался. — И что же вы собираетесь с ними делать? Провезёте через половину света, чтобы они... что? Умерли в дороге от той жуткой тряски? Или заболели от холода?

Ирлит прикрыла глаза, вынимая котёнка, забравшегося под плед.

— В Лакоре я отдам их куда-нибудь, где им будет лучше. А пока... — она, не открывая глаз, кивнула на подоконник.

Террейл заинтересованно подошёл к небольшой корзине в форме ящика. Ловчая подглядела, как он подцепил пальцем плетёную крышку.

— Надо же. И когда вы успели? — уточнил он, рассматривая мягкую обивку, набитую овечьим пухом внутри плетёного короба.

— Часа два назад. — Ирлит села, приподнимая котят. —

Просто доплатила местному мастеру за скорость.

— «Доплатила»? Вы же бедны как церковная мышь. — с недоверием покачал головой Посол, закрывая крышку.

Ирлит уложила котят на подушку и потянулась к блюдцу с молоком и яичными желтками.

— У меня достаточно сбережений на необходимые траты. — она поставила блюдец на кровать с благоговением, наблюдая, как котята резво перебирают маленькими лапками в сторону еды. Она подняла глаза, стряхивая с сутаны шерсть. — Можете не волноваться. Наличие у меня попутчиков вас не коснётся.

Господин рассматривал котят с преувеличенным скептицизмом, но чуть погода взгляд его смягчился.

— Тогда воля ваша. — он махнул рукой. — С вами я, откровенно говоря, готовился к сумасбродству и похуже. Можете считать это вашей наградой за то, что доселе были относительно покорны.

Он перекинул тугую косу за плечи и безэмоционально скомандовал:

— Выдвигаемся утром. Хотя раз не заставляйте меня вас ждать.

Дверь за ним закрылась, но слова всё ещё эхом отдавались у Ирлит в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.